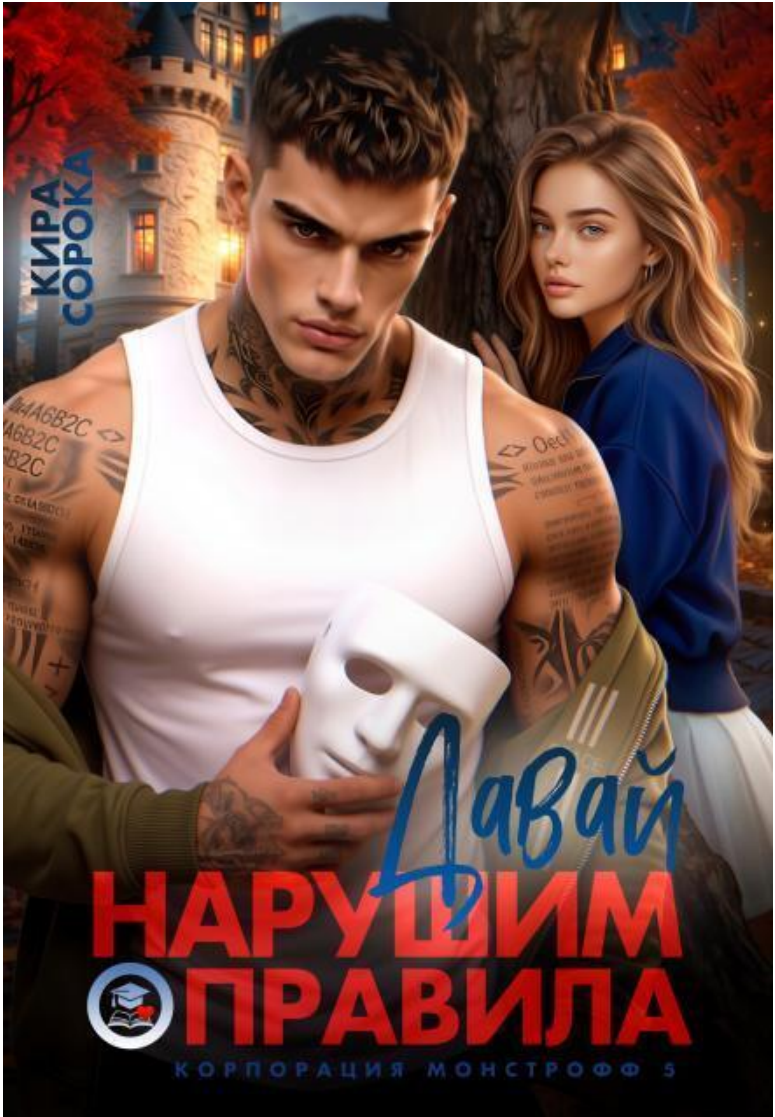

КИРА СОРОКА
Давай
НАРУШИМ
ПРАВИЛА
КОРПОРАЦИЯ МОНСТРОФФ 5

Кира Сорока
Давай нарушим правила

https://litres.ru/74713612

Аннотация

"Выбираю тебя".

Всего два слова на винтажной фактурной бумаге. Снизу – электронный адрес.

– Я не понимаю, – смотрю на свою соседку по комнате.

А она побледнела. Но во взгляде не только страх, но и восхищение.

– Ничего себе... – шёпотом протягивает Даша. – Ты в академии всего час, а тебя уже выбрали в рабство.

Тут правят мажоры – сказали ей. Полина поступила в Академию Лист по счастливому стечению обстоятельств. Вот только счастье было не долгим, потому что её заметил ОН! И теперь она в его власти.

Однотомник! Счастливый финал

Книга участвует в литмобе "Закрытая Академия. Здесь правят мажоры"

Благодарю за поддержку моих историй ❤#

Содержание

Давай нарушим правила 4
ГЛАВА 1. Нет – и всё. 7
ВИЗУАЛИЗАЦИЯ) 14
ГЛАВА 2. Кто такой Вирус? 19
ГЛАВА 3. Впереди кошмарный год. 26
ГЛАВА 4. Взлом. 31
ГЛАВА 5. Взрыв тестостерона. 37
ГЛАВА 6. Единственное, что волнует. 45
ГЛАВА 7. Просто игра. 50
ГЛАВА 8. Проиграла? 58
ГЛАВА 9. Правила можно нарушать. 67
ГЛАВА 10. Нечитаемый код. 83
ГЛАВА 11. Ты мне неприятен. 91
ГЛАВА 12. Неогранённый брюлик 99
ГЛАВА 13. Магнит для неприятностей. 109
ГЛАВА 14. Помни, кому принадлежишь. 121
ГЛАВА 15. Поцелуй. 128
Глава 16. Точка на карте. 134
Глава 17. Двое. 141
Конец ознакомительного фрагмента. 143

Давай нарушим правила

"Выбираю тебя".

Всего два слова на винтажной фактурной бумаге. Снизу – электронный адрес.

– Я не понимаю, – смотрю на свою соседку по комнате.

А она побледнела. Но во взгляде не только страх, но и восхищение.

– Ничего себе... – шёпотом протягивает Даша. – Ты в академии всего час, а тебя уже выбрали в рабство.

Степан Омаров – один из элиты Академии Лист. Он не похож на других, он в тысячу раз умнее. И поэтому в тысячу раз опаснее. И он выбрал её совершенно точно не случайно.

Полина Савицкая – первокурсница родом из Южноморска. Из бедной семьи. Совсем не из его мира. В её прошлом было кое-что очень плохое, а в настоящем – один-единственный друг. Призрак – её виртуальный друг, которому она доверяет.

Однако Полина не знает, в какой мир она угодила. Это мир, в котором её друг на самом деле – самый худший враг. А у врага есть планы на её уничтожение.

Добро пожаловать историю загадочного Вируса.

ГЛАВА 1. Нет – и всё.

Полина

Ворота академии возвышаются передо мной, словно портал в другой мир. Старые здания времён романтизма соседствуют с современными корпусами. Безупречные аллеи. В центре – бюст Листермана – основателя, стоит на постаменте, как напоминание о власти.

Всё это великолепие, как декорации к фильму про элиту.

Я переминаюсь на месте, не решаясь войти.

Блондинка, проходящая мимо, вдруг задевает меня локтем. Лямка сумки слетает с моего плеча, сумка падает на асфальт. Кто-то в толпе отпинывает её дальше.

– Оо, перваки как нелепые зверушки. Прям бесят! – фыркает блондинка, даже не оглядываясь.

За ней идёт тип величиной со шкаф. Он смотрит на меня оценивающе, разглядывая совсем не лицо, а то, что ниже.

– Это будет даже приятно, – говорит он подружке. – Спускать вот таких глупышек с небес на землю.

Меня не трогают их слова.

Совсем.

Ну почти...

Я наклоняюсь, чтобы поднять сумку. Но её уже отпинули ещё дальше.

Внутри немного закипаю, но не показываю.

Какой-то парень в чёрной толстовке стоит в нескольких метрах и уже держится за лямки моей сумки, намереваясь поднять.

– Да я сама, – успеваю быстро подбежать, схватиться за сумку и выпрямиться.

А когда поднимаю взгляд, немного вздрагиваю от неожиданности.

Он высокий – намного выше, чем казалось издалека. Чёрная толстовка облегает широкие плечи, а под ней видна чёткая линия груди. Волосы тёмные, почти чёрные. Но главное – его лицо. Оно идеально, как будто вырезано из мрамора. Скулы острые, подбородок сильный, губы полные, но с холодным выражением. И глаза – карие, почти чёрные, с золотыми бликами, которые смотрят на меня с интересом и превосходством одновременно. В них вся власть мира.

Оо... А вот и элита подъехала.

Мимо парня проходят друзья, хлопают его по плечам, рады его видеть. Он не реагирует на их голоса, продолжая смотреть на меня. Как будто я – единственная важная сейчас деталь его безупречного мира. Но скорее, та самая деталь, которая не вписывается в этот самый мир вообще!

– Имя? – спрашивает он вдруг.

Звучит это не как желание познакомиться, а как приказ представиться ему.

Хмыкаю.

– Придумай сам, – мой голос подрагивает, несмотря на то, что хочется быть смелой.

Отворачиваюсь от парня и от его изумления во взгляде. Захожу в портал — ворота — и тут же сворачиваю на дорожку, ведущую к общежитию.

Холл первого этажа женского корпуса забит студентками. Кто-то катит чемодан, кто-то тащит огромные сумки. Я почти налегке – в спортивной сумке только необходимое. Денег на много вещей нет. К тому же нам выдадут форму.

В кармане вибрирует телефон. Отхожу в сторонку, чтобы не создавать пробку.

Наверное, мама звонит, она волнуется, как я добралась.

Но это не мама, и не звонок. Сообщение.

Призрак: Ну ты как? Уже на месте?

Улыбаюсь.

Я: Да. И тут потрясающе. Мне бы хотелось, чтобы ты тоже увидел это место.

Призрак: Не всем это доступно, ты же знаешь.

Знаю. Мы дружим с Призраком уже год. Правда, виртуально. Я никогда не видела его лица. На его странице только аватарка – маска из зелёных пикселей. Но он – единственный, кто меня понимает. И он знает, через что я прошла.

Я: Сейчас познакомлюсь с соседкой по комнате, потом всё тебе расскажу.

Призрак: Буду ждать, Полина.

Убираю телефон и иду по коридору в поисках комнаты 5. Она в самом конце, рядом с общей ванной.

Коротко постучав, заглядываю внутрь. Девушка, стоящая у одной из кроватей, оборачивается на мой стук и приветливо улыбается.

– Привет! Заходи! Я – Даша.

– Привет! А меня зовут Полина, – представляюсь я.

Прохожу и закрываю дверь. Даша выбрала себе кровать с правой стороны, мне достаётся та, что слева и ближе к окну. А из окна открывается вид на старый особняк основателя Листермана. Он завораживает и пугает немного, тем, что никогда не был реконструирован и выглядит мрачно.

– Если хочешь, можем поменяться, – говорит соседка.

И голосок её подрагивает. Похоже, старый особняк пугает её намного больше, чем меня.

Поставив сумку у кровати, присаживаюсь на край.

– Всё в порядке. Мне нравится.

– Супер! – сияет она.

Пару минут мы с некоторой неловкостью разглядываем друг друга. Она не мажорка, нет. Но, судя по модной сумочке, висящей на спинке стула, и стильным туфелькам, выглядывающим из-под кровати, Даша явно не из бедных.

– Откуда ты? – спрашивает она.

– Южноморск. Почти местная.

– А я просто местная, – кривит губы в подобии недовольной улыбки. И, предваряя мой вопрос, почему она в таком

случае живёт в общаге, а не дома, выпаливает: – Родители разводятся! И меня сослали сюда. Всё. Конец истории. Жалеть меня не надо, я просто так это сказала.

Забавная...

– Хорошо, не буду жалеть. А я попала сюда по счастливому стечению обстоятельств. И легко могу вылететь, если облажаюсь. И да, меня тоже жалеть не надо.

Даша начинает заразительно хохотать. Похоже, мы поладим.

Разбираем свои вещи. Часть раскладываем на полки шкафа, поделив их поровну. А ещё у каждого есть своя тумбочка. На свою я сразу пристраиваю старенький ноутбук.

Даша щебечет без устали, рассказывая об учебном заведении и о Листермане, который был гением и психом одновременно. В сети много о нём информации. Некоторые считают, что половина – просто байки, страшилки, которыми пугают первокурсников старшекурсники. А кто-то верит этим россказням. Я пока не знаю...

– А про посвящение слышала? – загораются её глаза каким-то маниакальным блеском.

– Мельком.

– Это так страшно. Никто толком не знает, что нас ждёт. Целая ночь в старом флигеле, где бродит призрак Листермана – это же жуть! Ещё и старшекурсники будут пугать...

Её прерывает стук в дверь, и я иду открывать. Интересно, кто там...

Однако в коридоре никого нет. Выглядываю, сделав шаг из комнаты, и наступаю на что-то. Приглядываюсь. Под ногой конверт. С любопытством поднимаю его.

Конверт желтоватый, словно старый. Запечатан воском. И он предназначен мне... Тут так и написано «Для Полины Савицкой».

Не знаю, почему, но волосы на затылке встают дыбом. Даша тоже притихла, глядя на конверт ошалевшими глазами.

– Это кому? – шепчет она.

– Мне.

Распаковываю, ломая восковую печать, и достаю листок, сложенный пополам. Бумага фактурная, состаренная.

«Выбираю тебя», – написано в самом центре. А внизу какой-то адрес или электронная почта.

Верчу листок в руке, но больше ничего тут нет.

– Я не понимаю...

Вопросительно смотрю на соседку. Та побледнела. Но во взгляде не только страх, но и восхищение.

– Ничего себе... – шёпотом протягивает Даша. – Ты здесь всего час, а тебя уже выбрали в рабство.

– Какое ещё рабство? – просаживается мой голос.

– Ты чего? Это же часть посвящения! Либо флигель и ночь ужаса, либо в рабыни к одному из элиты. Все выбирают второе, это как иммунитет.

Меня передёргивает от этой информации.

В рабство к мажору? Это что, блин, шутка?

Собираюсь порвать письмо и конверт, но Даша выдёргивает всё из моих рук и прижимает к груди.

– Не глупи. Отказ ещё хуже. Тебя вообще сожрут за это. Возьми хотя бы паузу на подумать.

Я в полном шоке... Нестерпимо хочется написать Призраку. Он знает, через что я прошла. Он один меня поддерживал, когда другие отвернулись.

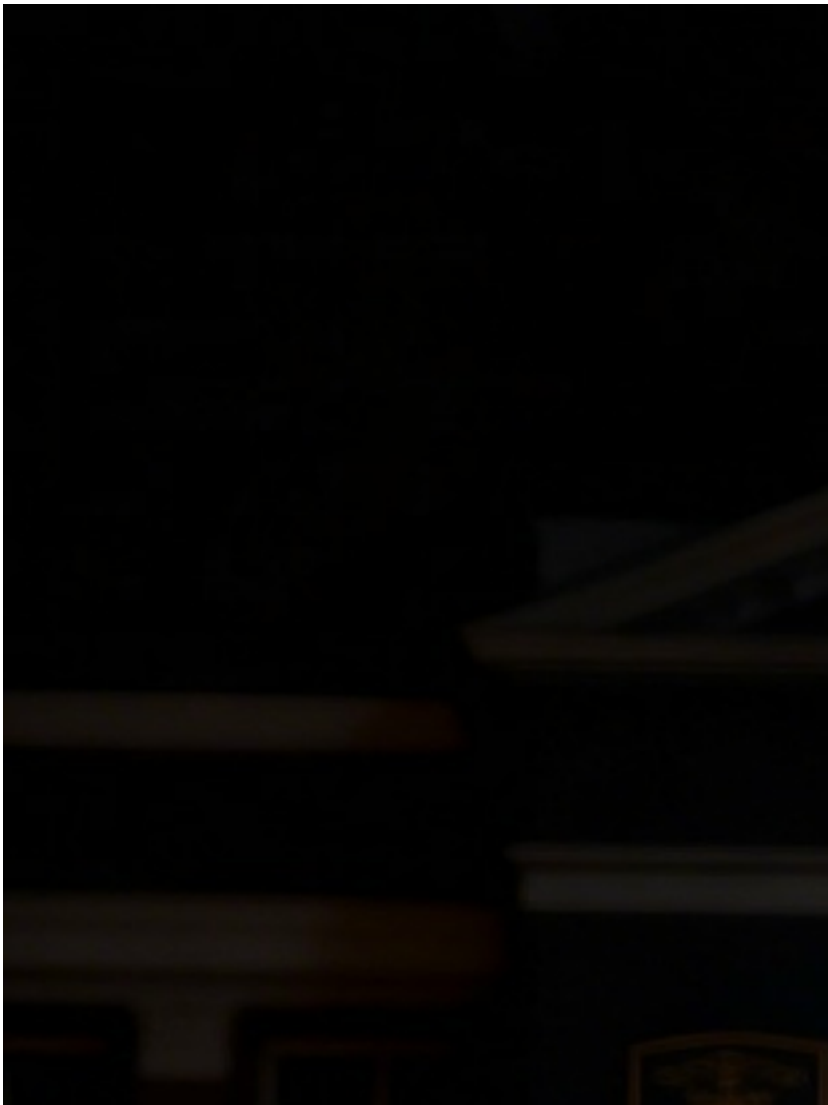
– Ладно, я подумаю, – выдыхаю всё-таки.

Хотя уверена, что другого ответа не будет.

Просто «нет» – и всё.

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ)

Стёпа (Вирус) Омаров 4 курс

Полина Савицкая. 1 курс.

ГЛАВА 2. Кто такой Вирус?

Полина

– Мы сейчас всё пропустим! – нервно восклицает Даша и усиленно тянет меня за руку в самую гущу толпы.

Центральная аллея кампуса заполнена студентами. Кто-то сидит на лавочках, кто-то на траве, кто-то стоит со стаканчиком кофе в руке. Первокурсники держатся кучкой, старшекурсники расположились кто где.

– Давай вот тут.

Даша опускается прямо на газон рядом с клумбой. Я тоже сажусь. Перед нами на небольшом возвышении стоит ректор – высокий мужчина лет шестидесяти с седой бородой и строгим взглядом. Он говорит что-то про традиции, про честь академии, про то, что студенты Академии Листермана – это не просто студенты учебного заведения, а семья.

Голос у него монотонный, как будто он произносит эту речь уже сотый раз. Я пытаюсь слушать, пока Даша не начинает шептать мне в ухо.

– Видишь того, справа от ректора? Это Артём Ларин. Второй курс, спортсмен. Его отец – владелец фитнес-клубов. Говорят, Артём жестокий, как чёрт.

Уткнувшись в телефон, моя соседка просматривает какие-то списки. Перевожу взгляд на этого Ларина. Оо, так это

тот самый шкаф, который с небес на землю меня собрался сдёргивать. Сейчас он улыбается всем девицам вокруг, но улыбка у него холодная и неприятная.

– А вот рядом с ним, – продолжает Даша, – Роман Северцев. Тоже второй курс, бизнес. Он – лидер своего курса.

Я киваю. Роман выглядит умным, холодным. Как человек, который всегда всё просчитывает.

– А вот преподаватели, – шепчет Даша, указывая на группу взрослых, стоящих позади ректора. – Видишь того, в твидовом пиджаке? Виктор Альбертович Штейн. История и философия. Его боятся все, а он обожает рассказывать про Листермана и его эксперименты. Как будто это факты, а не легенды.

Смотрю на Штейна. Седой, худой, очки в тонкой оправе. Он смотрит на студентов с какой-то странной улыбкой, как будто знает что-то, чего не знаем мы.

Мне даже интересно становится, где Даша всё это прочитала, и я заглядываю в её телефон. Это не сайт, нет. Просто группа в ВК, где про каждого из тех, кого она назвала, написано довольно подробно. И там ещё много персонажей фигурирует. Словно эту страничку ведёт фан-клуб описывая самых выдающихся и заметных студентов и преподавателей академии.

– А вот этот, – говорит Даша, и её голос становится тише, – Руслан Анатольевич Цыбалов. Психология. Говорят, он гений в своём деле.

Я поднимаю взгляд и вижу его. Красивый, ухоженный. Щетина, стильная стрижка, добрые глаза. Одет со вкусом – светлая рубашка, тёмный пиджак. Он стоит немного в стороне от остальных преподавателей, и его взгляд скользит по студентам, как будто он их оценивает. Когда доходит до меня – я улыбаюсь.

Цыбалов... Вот благодаря кому я здесь!

Он был моим онлайн-психологом после... всего. А когда узнал, что я не поступила на бюджет, поспособствовал моему зачислению, порекомендовав меня как ценного кадра для академии.

Руслан Анатольевич посылает мне ответную улыбку и не отводит взгляд.

– Полин, смотри! – Даша дёргает меня за рукав и указывает куда-то вдаль, в конец аллеи.

Я невольно вздрагиваю. Тот самый парень, из элиты. Кареглазый. Наглый. Он стоит у кирпичной стены старого здания, прислонившись к ней плечом. Поза у парня скучающая, а взгляд как будто направлен на меня.

Но этого не может быть. С такого расстояния просто невозможно определить, куда он смотрит.

– Это Степан Омаров, – шепчет Даша с придыханием. – Все зовут его Вирус.

– Почему Вирус? – спрашиваю я.

– Он – компьютерный гений, Полин. Местный парень, его все знают. Говорят, он читает людей как компьютерный код.

Вообще-то, жутковатый тип. Потому что он взламывает всё, что захочет. Не ради денег, ради вызова. Люди для него – данные. В этом году он перевёлся на очку. Четвёртый курс уже. Но вряд ли его смогут здесь чему-нибудь научить.

Да уж... Умный мажор – это что-то новенькое для меня.

Даша продолжает рассказывать мне про окружающих. Про мажоров с третьего курса и с четвёртого. Они все холёные, без комплексов, видно, что купаются во внимании всех без исключения девчонок.

Хотя нет, с исключением. Я смотрю на каждого из них не дольше трёх секунд. Лишь на одном парне застреваю. Потому что мне всё время кажется, что он всё же смотрит на меня.

– В общем, – подытоживает Даша, видимо, закончив экскурсию по сливкам местного общества, – тут правят мажоры, Полина. И один тебя уже выбрал, хотя ещё и учебный год толком не начался.

– Ты предлагаешь мне радоваться? – усмехаюсь я.

– Да другие первокурсники об этом мечтают! – не разделяет моего скептицизма Даша. – Это же не только про рабство. Это покровительство сильного лидера. Ты станешь как они, – кивает на ту блондинку, которая боднула меня сегодня.

Я на двести процентов уверена, что она ровня им – потому что одна из них. Мажорка. И никогда никому тут не прислуживала.

Брр... Вообще-то, даже противно думать об этом всерьёз.

– Как думаешь, Полин, кто из всех этих мажоров мог тебя выбрать? – спрашивает меня Даша.

Я почему-то смотрю на Вируса. Как там его? Степан Омаров?

"Я знаю только его", – хочется признаться Даше. Единственный, с кем я столкнулась. Не считая того шкафа. Но ведь это ничего не значит, верно?

– Наверное, я бы хотела выяснить, кто меня выбрал, – всё же произношу вслух, хотя чувствую себя глупо.

Глаза Даши загораются в предвкушении.

– А мне кажется, я знаю, как это можно сделать.

– Как?

– Тот электронный адрес. Надо просто вбить его в строку браузера и посмотреть, куда он приведёт. Сто процентов – к разгадке.

Логика в её словах есть. Иначе зачем он там вообще нужен?

Может, в какой-то чат выкинет. И мажор, который отправил мне письмо, объявится в нём лично. Или это ссылка на его страничку...

Когда ректор уходит, нам начинают раздавать ленты. Ещё одна традиция академии.

– У тебя тоже жёлтая?! – восторгается моя соседка по комнате, держа в руке такую же.

Жёлтый – цвет факультета журналистики. Круто, что мы будем посещать все лекции вместе.

Скольжу взглядом по первокурсникам. Среди лент преобладает зелёный цвет – бизнес. Чуть меньше синего – инженерии. Совсем мало оранжевого – физкультуры. И лишь единично мелькают белые ленты факультета IT.

У старшекурсников лент нет.

Даша словно читает мои мысли и снова шепчет:

– Их ленты давно на дереве висят. Вон там, – указывает на рощу за кампусом. – Мы тоже свои повесим. Только давай с утра, а то темнеет уже.

Поднимаемся с газона. Часть студентов идёт в столовую, остальные разбредаются по территории.

– Ладно, пойдём разгадывать загадку, – говорю я, поманив Дашу за собой.

И мы почти бежим к своему общежитию. Дашка хохочет, бормочет что-то бессвязное. Вроде про то, что мне самой вдруг это стало интересно. А мне неинтересно. Я просто не люблю тайн.

В комнате сразу врубаю ноутбук. Дождавшись, пока он загрузится, вбиваю в строку браузера электронный адрес из письма, тщательно проверяя каждую букву и символ. Даша сидит рядом.

– Да вроде всё правильно, – говорит она.

– Ладно... – делаю глубокий вдох. – Жму.

Бью по кнопке "Enter", и начинает загружаться страничка. Сначала она пустая. Но не белая, как обычно, а такая же винтажная, как бумага того письма. Потом всплывает первая

надпись.

"Добро пожаловать, Полина".

Потом вторая: "Ты приняла верное решение".

С недоумением подаюсь ближе к экрану. Какое ещё решение?

Третья надпись вообще сносит мне крышу.

"Чат со Степаном Омаровым будет доступен по ссылке".

И тут же появляется эта самая ссылка.

Которую я ни за что не нажму.

Даша тихо блеет:

– Упс... Походу, нажать на ссылку из письма означает автоматически согласиться на рабство...

Серьёзно?

СЕРЬЁЗНО, БЛИН?!

Зыркаю на неё ошалевшим взглядом.

– И ты теперь принадлежишь Стёпе, – продолжает Даша, не замечая, как меня колбасит. – И это на целый год...

Друзья! Книга участвует в литмобе "Закрытая Академия. Здесь правят мажоры"

https://litnet.com/shrt/hYFo

ГЛАВА 3. Впереди кошмарный год.

Полина

Это всё какой-то сюр...

Ну правда! Так же не бывает!

Я этого парня видела от силы пять минут. Он меня совсем не знает. И нет в моей внешности чего-то примечательного. Например, как у той блондинки. Она – яркая, а я самая обычная.

Почему я? Зачем он сделал такой выбор?

Да и какое, к чёрту, рабство?!

Первое, что я сделала – это закрыла вкладку пресловутого сайта. Потом свернула браузер. И тут же офигела от того, что страница сайта всплыла почти на весь экран ноутбука отдельным окном. И на нём нет крестика, чтобы его закрыть. Свернуть тоже нельзя. Можно лишь перейти по ссылке, которую мне предлагает Степан Омаров. Для дальнейшего общения, блин!

Да пусть он к чёрту идёт!

Я попробовала перезагрузить ноутбук. Трижды. И каждый раз, когда он, шумя и пыхтя, загружался, окно появлялось вновь. Закрывая собой весь рабочий стол.

Это как вирус, заразивший мой ноутбук. Самый настоящий ВИРУС!

Теперь мой ноут вообще бесполезен. Что дальше делать, я не знаю.

И вот уже два часа лежу без сна, пытаясь переварить случившееся. Но как-то не переваривается.

Даша мерно сопит на своей кровати. Перед сном она сказала мне, что я слишком заморачиваюсь насчёт всего.

– Просто поговори со Стёпой, – посоветовала она. – Вдруг он нормальным окажется и просто уберёт этот сайт с твоего экрана.

А я вот как-то не верю, что мажор может быть нормальным...

– Или перейди по ссылке, – продолжила Даша. – Напишешь ему лично, что хочешь отказаться от рабства. Или наоборот – согласись. Я думаю, это будет самый безболезненный вариант...

Я знаю о боли всё!

Во всяком случае, о душевной.

Связь с мажором не может быть безболезненной.

Достаю телефон из-под подушки, проверяю время. Боже... Уже полночь. Уснуть не получается, и я захожу в чат с Призраком. Так и не написала ему сегодня...

А Призрак в сети. И сразу пишет мне: "Почему не спишь?"

Я: Слишком много впечатлений для первого дня.

Призрак: Что случилось?

Делаю глубокий вдох и отбрасываю одеяло. Перебираюсь

на подоконник, прижимаюсь виском к прохладному стеклу и строчу сообщения, рассказывая другу про письмо, про рабство, про посвящение, про вирусный сайт на моём ноутбуке.

Он долго читает и ничего не отвечает. Потом становится офлайн.

Хм...

Положив телефон на подоконник, жду, когда Призрак вновь появится в сети. Поглядываю сквозь окно на особняк Листермана. Уличный фонарь освещает дорожку, проходящую мимо крыльца и пару нижних ступенек. А дальше – мрачное нечто с чёрными дырами вместо окон.

Я не боюсь. Это просто старое здание. Людей надо бояться, а не особняков.

Телефон вибрирует, и я опускаю глаза на экран. Но это не Призрак, нет. Какое-то сообщение типа спама. Не открывая его, сползаю с подоконника. Уже берусь за штору, чтобы прикрыть окно, как моё внимание привлекает вспышка света с улицы. Вглядываюсь в темноту.

В тех чёрных дырах окон особняка пробегает узкий световой луч и тут же гаснет.

Вот теперь мне страшно, да. Потому что там же... никого не должно быть.

Быстро задёргиваю штору и забираюсь под одеяло. Телефон вибрирует сообщением.

Призрак: Чем я могу помочь?

Вздыхаю. Ничем не может...

Я: Ты помогаешь тем, что есть в моей жизни.

Призрак: Да, я рядом.

Через какое-то время всё же засыпаю с мыслями о том, какой же кошмарный год меня ждёт.

– Полина. Полина! Нам форму принесли. У тебя ведь s-ка?

Утро наступает как-то уж совсем неожиданно.

– Угу, – мычу в подушку.

Кажется, на секундочку снова выключаюсь.

– Вставай, Полин! Смотри, какая красота.

Открываю глаза. Даша вертится перед зеркальной дверцей шкафа, облачившись в новую форму. Белая юбка-плиссе, чёрная шёлковая блузка. На плече – круглая эмблема академии. Видно, что ткань не из дешёвых. И сидит форма на Даше очень здорово.

– Да, красиво.

Выбираюсь из кровати. Моя форма висит на дверце шкафа в плотном полиэтиленовом пакете.

– Я такая голодная... Поскорее бы попасть на завтрак, – возбуждённо вещает Даша, расчёсывая свои каштановые волосы.

– Я быстро соберусь, – обещаю ей, хватая косметичку с полотенцем.

Через пять минут я тоже облачаюсь в форму. Волосы убираю в высокий хвост и делаю пару взмахов кисточкой, прой-

дясь тушью по ресницам.

– Всё. Я готова.

Подхватываю рюкзак. Там у меня пенал, несколько пустых тетрадей и ноутбук. Я намерена найти Омарова и заставить его убрать чёртов вирус с моего ноута.

Идём с Дашей через весь кампус к зданию столовой. Внутри она напоминает ресторан. Пока стоим в очереди с подносами, Даша кого-то выглядывает. И даже рукой машет кому-то.

– Вон видишь девчонок? – говорит мне, показывая на столик в дальнем углу. – Они на нашем факультете. Саша и Юлиана. Надо держаться вместе.

Я с ней согласна.

Наконец подбираемся к еде, ставим подносы на ленту. Глаза, конечно, разбегаются от такого количества разных завтраков. Я беру сырники и чай, Даша с довольным урчанием хватает тарелку с блинчиками и пару сладких пирожков.

Она идёт впереди, направляясь к тому столику, а я – сразу за ней, держа перед собой поднос. По пути мой взгляд невольно падает на парня в тёмном худи с капюшоном на голове. Он сидит у окна, на столе перед ним – ноутбук. Пальцы быстро-быстро бегают по клавиатуре.

Так...

Резко изменив курс, иду к нему.

ГЛАВА 4. Взлом.

Вирус

На экране – почти готовый код. Чистая архитектура, ни одного лишнего символа. Программа делает ровно то, что нужно – подключается к чужому устройству и получает доступ к веб-камере.

Без следов, без уведомлений, без мигающего индикатора.

Это незаконно.

Мне похеру.

Дописываю последнюю строку и компилирую. Чисто, ноль ошибок. Сворачиваю окно с кодом, и под ним открывается второе – чужой рабочий стол. Её рабочий стол. Почти пустой, пара папок всего и несколько старых фотографий.

У неё старый ноутбук со старой системой и минимальной защитой. Она трижды перезагрузила свой ноут ночью. Три попытки избавиться от моего сайта, который висит у неё, занимая весь экран, и не закрывается.

– Стёп.

Поднос с грохотом приземляется на мой стол. Макс Воронов садится напротив. За ним стоит Сокол, жуёт яблоко.

– Ты вчера куда-то пропал с собрания, – говорит Макс, отпивая кофе.

– Я не пропал. Меня там не было.

– В этом и проблема. Четвёртый курс, Стёп. Посвящение через три дня. Ты в списке организаторов.

– Вычеркни.

Макс усмехается. Он привык. Мы эту сцену разыгрываем каждый раз. Не в академии, нет. Здесь я первый год на очке. Просто знаю этих двоих почти всю жизнь.

– Тебе необязательно надевать маску и пугать первокурсников, – говорит он, понизив голос. – Мне нужна система наблюдения. Камеры, трансляция на планшеты. Чтобы мы видели всё, что происходит внутри, пока они бродят в темноте.

– В этом году замутим целое кино, – подключается Сокол. – Зальём куда-нибудь. Надо ловить момент, пока ты с нами. Кто ещё нам такую картинку организует?

Усмехаюсь. Они оба знают, что я не участвую в том, что мне неинтересно.

Полина не идёт на посвящение, а значит, у меня есть дела поважнее.

– Я подумаю, – говорю в итоге.

– Стёп...

– Я сказал – подумаю.

Макс поднимает руки, капитулируя, встаёт и забирает свой поднос. Сокол хмыкает. Но он уже не тут – провожает взглядом очередную юбку.

Они уходят, и мой стол снова принадлежит мне. Возвращаюсь к экрану, просматриваю фотки.

Вот она маленькая, лет пяти, на руках у мужчины в воен-

ной форме. Широко улыбается, не хватает одного зуба.

Мило. Но я "заразил" её комп не для этого.

Начинаю поиски писем и любых упоминаний о Цыбалове. Благодаря ему она попала сюда. Краем глаза улавливаю движение справа. И тут же на стол ложится поднос.

Я успеваю свернуть окно с её рабочим столом раньше, чем она опускает взгляд на экран моего ноута. На мониторе остаётся только терминал с кодом. Для неё это просто набор непонятных символов.

– Мне нужно с тобой поговорить, – говорит Полина ровным голосом.

Но многое в ней выдаёт то, как она нервничает прямо сейчас. То, как ровно держит спину и как старательно смотрит мне в глаза.

Глаза у неё медовые, почти карие...

А губки она яростно сжимает. И мне хочется попросить её так не делать.

Откидываюсь на стуле и стягиваю с головы капюшон. Не отвечаю ей. Просто жду.

– Ты заразил какой-то дрянью мой ноутбук, – говорит она, и голос всё-таки подрагивает. – Мне плевать на ваше рабство и на ваши дурацкие традиции. Убери это.

Пробегаю взглядом по её телу. Форма сидит на ней неплохо. И мне хочется думать, что как-то даже по-особенному, а не как на половине сотни студенток академии.

– Сядь, – говорю я.

– Я постою, – упрямо вскидывает подбородок.

– Как хочешь.

Она стоит. Я молчу. Проходит пять секунд, десять, пятнадцать. Тишина – мой любимый инструмент. Большинство людей не выдерживают паузу. Начинают заполнять её словами, нервничать, оправдываться. И в итоге говорят больше, чем собирались. Отдают больше, чем хотели.

Она не заполняет. Стоит и ждёт. Смотрит на меня прямо, с вызовом, хотя я вижу, как пульсирует жилка у неё на шее.

– Это не дрянь, – говорю я наконец. – Это интерфейс для связи между хозяином и его рабом. Традиция академии. Не я придумал.

– Мне плевать, кто это придумал. Убери.

– Не могу.

– Не можешь или не хочешь?

– Не хочу, – отвечаю честно.

Её скулы каменеют. Она злится, и злость ей идёт. Глаза становятся ярче, движения резче. Большинство людей в гневе глупеют, делают ошибки. Посмотрим, как поведёт себя она.

– Тогда я пойду в администрацию и скажу, что ты установил на мой личный ноутбук вредоносное программное обеспечение. Это, кстати, уголовная статья.

Я почти улыбаюсь.

– Ты можешь это сделать, – говорю спокойно. – Но тогда тебе придётся объяснить, зачем ты перешла по ссылке из

анонимного письма и скачала файл с незнакомого сайта. Администрация скажет, что ты сама виновата. И будет права.

Мне нравится наблюдать, как эмоции проходят по её лицу одна за другой: злость, растерянность, снова злость. Потом что-то холодное и твёрдое. Решимость.

– Чего ты от меня хочешь? – спрашивает она тихо.

– Сядь, – повторяю я.

На этот раз она садится. Напротив. Между нами – открытая крышка ноутбука. Захлопываю её.

– Убрать ту дрянь, как ты выразилась, довольно легко, Полина. Перейди по ссылке, чтобы открыть диалоговое окно для общения со мной. Но ты ведь этого не сделаешь, верно?

– Не сделаю, – она подаётся вперёд. – Потому что между мной и тобой не будет никаких диалогов. Я отказываюсь быть твоей рабыней.

На последнем слово она морщится.

Понимаю... Это её самый главный триггер – быть во власти такого, как я.

Но ей придётся потерпеть.

Мой телефон вибрирует. Сообщение от Макса: "Площадка. 5 минут. Не опаздывай".

Засовываю телефон в карман и беру ноутбук.

– Мне нужно идти, – говорю, поднимаясь.

– Ты серьёзно? – в её голосе неверие. – Удали этот... этот вирус!

– Нет.

Иду на выход. У двери оборачиваюсь и вижу, что Полина рванула за мной.

Друзья! Спешу познакомить вас с новинкой нашего моба от Дарьи Беловой!

Спорим? Будешь моей!

https://litnet.com/shrt/rQJR

В закрытую Академию приходит новенький. Он мажор и очень плохой парень, у которого есть маленький, но грязный секрет с местной королевой красоты. Вас будет ждать #противостояние характеров, #одержимость, #интриги и тайны

ГЛАВА 5. Взрыв тестостерона.

Полина

Вот мерзавец! Самовлюблённый придурок!

Спешу за ним по залитой солнцем аллее и ненавижу себя за это.

Аллея идёт мимо учебных корпусов. Омаров сворачивает направо, за ряд старых клёнов. Там спортивная площадка – я видела её вчера, когда мы с Дашей исследовали территорию. На площадке турники, брусья, резиновое покрытие, всякие лестницы для воркаута. Вчера площадка была пустой. Сейчас – нет.

Один парень разминается у брусьев – широкоплечий, светловолосый, в чёрной майке. Рядом второй крутит в руках скакалку и щурится на солнце.

Я узнаю их лица, но не помню ни имён, ни фамилий. А ведь Даша что-то рассказывала мне про каждого.

Они оба смотрят на Степана. Блондин говорит:

– Ты так ненавидишь местные традиции, но эту пропустить не смог, да?

Ещё одна традиция... Господи, что на этот раз?

Степан кладёт ноутбук на скамейку и стягивает худи через голову.

Я останавливаюсь.

Под худи – ничего.

Я уже видела, что он совсем не тощий. Заметила крепкие плечи, шею, руки. Но одно дело догадываться, и совсем другое – видеть вот так, при свете дня, без одежды, которая скрывает фигуру.

Он не просто не худой. Он накачанный. Очень. Широкие плечи, мощные бицепсы, рельефный торс. И татуировки. Господи, их столько!

Я уже замечала их раньше на запястьях и шее, но не думала, что они тянутся по всему телу парня. И они явно имеют какой-то смысл, это не просто витиеватый узор, как у многих. Там строчки. Ровные, мелкие, будто напечатанные на принтере. Компьютерный код, набитый прямо на коже. Он идёт по шее, спускается на плечи, перетекает на бицепсы и предплечья.

Степан бросает худи на скамейку. Его мышцы играют – и строчки на коже двигаются, и это выглядит так, будто код оживает.

Он подходит к парням. Делаю ещё несколько шагов, чтобы быть ближе к площадке.

– Дело не в традиции, – отвечает им Омаров. – Будем считать, что я просто хочу надрать вам зад.

Блондин ухмыляется, второй азартно потирает руки. И вдруг они оба замечают меня. Что-то говорят Омарову, понизив голос, и тот оборачивается. И, конечно, в его взгляде

нет удивления. Он знал, что я шла за ним.

Он отвечает что-то друзьям, но я, к сожалению, не слышу ни слова. Потом подходит к турнику, хватается за перекладину...

– Я сначала разогреюсь, – говорит он.

Обращается явно не ко мне, но смотрит мне в глаза. И начинает подтягиваться. Легко, без рывков, будто его тело ничего не весит. Плоский рельефный живот напрягается. Там тоже тату. Строчка кода идёт по рёбрам, спускается ниже, ныряет под резинку спортивных штанов.

Сглатываю. Такое ощущение, что я, совсем того не желая, попала на шоу под названием "Взрыв тестостерона". Потому что те двое тоже скидывают свои футболки.

Стою на краю площадки и понимаю, что пялюсь. Просто стою и пялюсь, как идиотка. Стыд разливается запоздалой волной, горячей и липкой, и я отвожу взгляд. Но поздно.

– Подойди, – говорит блондин, поманив меня пальцем. – Чего встала? Подойди, говорю.

Я не шевелюсь, лишь вскидываю подбородок.

Степан спрыгивает с турника. Он даже не вспотел. Берёт бутылку воды со скамейки, делает глоток и только тогда поворачивается ко мне.

– Ты – его рабыня? – спрашивает блондин, кивая на Степана.

Слово бьёт по ушам. Рабыня. Меня передёргивает, и я сжимаю челюсти так, что скулы начинают ныть.

– Нет, – отвечаю я.

И иду к Омарову.

– Подожди, Полина, я немного занят, – говорит он таким тоном...

Я даже не знаю, как именно определить его тон. Словно мы друзья или даже больше.

Степан ложится на скамью и начинает качать пресс. Руки за головой, подъёмы ровные, размеренные. Строчка кода на рёбрах поднимается и опускается вместе с его дыханием, и я заставляю себя смотреть ему в лицо. Только в лицо. А он смотрит на меня снизу вверх.

Поднимается – взгляд на мне, опускается – взгляд по-прежнему на мне. Как будто я – точка, на которой он сфокусировался.

– Так ты его рабыня или нет? – раздражённо спрашивает блондин. – Если нет, вали отсюда.

Оо... Вот, значит, как? Только рабыне можно лицезреть потеющего на турниках и скамье хозяина?

– Пока не рабыня, – говорит Омаров вместо меня.

А я вообще не собираюсь отвечать. У меня внутри что-то вскипает. Горячее, злое, душное. Не от его слов. От того, как он их произнёс. Спокойно, уверенно. Как будто это вопрос времени. Как будто мой отказ – просто временная задержка в его плане.

– Ни сейчас, ни потом, – говорю я, и голос звучит твёрже, чем я ожидала. – Ни при каких условиях этого не будет. Уда-

ли вирус с моего ноутбука, или я найду того, кто это сделает за тебя.

Степан садится на скамье. Пот блестит на ключицах и груди. Тянется к бутылке, жадно пьёт.

Я вообще не понимаю, почему до сих пор тут стою.

– Найди, – говорит он наконец.

И в его голосе мне слышится что-то похожее на вызов. Или на любопытство. Или на то и другое сразу.

Он поднимается, подходит к друзьям. И эти трое, похоже, тут же забывают о моём существовании. С азартом переглянувшись, подпрыгивают, хватаются за перекладину турника и начинают подтягиваться. Синхронно, размеренно. Кажется, совсем не уставая.

Я разворачиваюсь и ухожу.

Не собиралась оборачиваться, но когда дохожу до клёна, всё-таки делаю это.

Друзья Омарова, кажется, всё-таки подустали. Они явно готовы сдаться.

Первым спрыгивает блондин. Второй держится ещё полминуты и тоже отпускает руки. Омаров подтягивается ещё два раза.

Он победил? В дурацком соревновании по дурацкой традиции?

И что он выиграл? Титул ещё большего засранца и альфа-самца?

Пфф...

Захожу за ствол дерева, прижимаюсь к нему спиной и пишу сообщение Призраку.

"Мне нужно найти кого-то, кто починит мой компьютер".

Пока Полина пытается не стать рабыней, хочу познакомить вас с ещё одной новинкой нашего моба

Новенькая, ты в игре от Ронни Траумер

https://litnet.com/shrt/OQPX

закрытую школу приходит новенькая. С первого взгляда она попадает под пристальный взгляд местного короля мажоров, от которого ненависть смешивается с опасным теплом внутри. Теперь она в его тайной ночной игре. Вас ждёт #ненависть, #опасная химия и #тайная ночная игра, в которой она — главная цель.

ГЛАВА 6. Единственное, что волнует.

Вирус

– Ну всё, пиздец, ты всех порвал, – корчась на резиновом покрытии и держась за живот, стонет Сокол.

Это он после "спарринга" на пресс.

– Отжиматься будем? – тяну я с ленцой.

Хотя мышцы мои тоже горят.

– В жопу иди, – вскакивает на ноги Макс. – Я вот не пойму, как в тебе уживаются мозги и мышцы.

– Мозг – тоже мышца, – ржёт Артём.

Я молчу. Пялюсь в небо, положив руки под голову. Вот вроде уделал этих двоих, а кайфа не испытал. Пару лет уже так – никакого удовлетворения в жизни.

Мозги я прокачал давно. А тело... Тело, в общем-то, всегда держал в форме, но последние полгода подналёг на брусья.

В физическом плане я был всегда тенью своего брата-близнеца Остапа, самбиста. Теперь уже нет.

Ещё одна галочка в анкете моей жизни. Сделано. Всё.

Что дальше?

Вопрос Макса так и повисает в воздухе, они говорят уже

о другом. О посвящении. Самая тупая традиция академии из возможных. Даже потирание носа у бронзового бюста Листермана для удачной сдачи зачёта не так бесит, как это.

– ... короче, второй курс много на себя берёт. Толкают свои правила третьему. Рабство хотят убрать, – вещает тем временем Макс.

Неожиданно включившись в его слова, резко сажусь.

– Кто это придумал? – нервно усмехаюсь.

– Сабуровская свита. Он сам на домашнем обучении сейчас, а эта шайка решила, что дружба с ним даёт им право голоса. На втором, сука, курсе.

– Рабство должно остаться, – говорю я, поднимаясь.

– А чё так? – лыбится Артём. – Кому-то было вроде насрать на традиции, мм?

– Конкретно эта традиция мне зашла.

Надеваю худак, беру ноут под мышку. Макс тоже начинает одеваться.

– Само собой, ничего убирать не будем, – говорит он. – К тому же я уже выбрал себе жертву.

Его улыбка становится хищной.

– Я тоже, – скалится Артём.

А его улыбка слегка садисткая.

Нахер. Меня это всё не касается. А то, что действительно важно, сейчас виляет своей сексапильной задницей, направляясь к учебному корпусу. Первая пара начнётся через десять минут.

– Ладно, погнали, – говорит Артём.

Они с Максом уходят налево, а я направо. Хотя мне тоже надо бы налево, именно там деканат. Четвёртый курс вызвали на полдня – распределение кураторства над первым курсом. Нам повесят на шею новичков, и мы должны сделать вид, что это почётная обязанность.

Но я сам в каком-то роде здесь новичок. И у меня есть дела поважнее.

Спешу за Полиной, мы же типа не договорили. И вижу, как её перехватывают у входа в корпус. Цыбалов.

Притормаживаю в нескольких метрах от них. Слышу каждое слово.

– Полина, наконец-то! Думал, мы с тобой ещё вчера поболтать сможем, – воодушевлённо вещает он. – Ну как ты? Всё хорошо? – покровительственно проводит ладонью по её плечу.

Полина улыбается ему и смотрит как довольная собачонка, дождавшаяся ласки хозяина.

– Всё даже лучше, чем я себе представляла, Руслан Анатольевич, – тараторит она в ответ. – Спасибо Вам! Если бы не Вы...

– Ну ладно, что ты, – вновь касается её. – Мы же не чужие люди, Полина. Столько вместе прошли. Слушай, я вот что хотел обсудить, – Цыбалов наклоняется к ней, понижает голос. – У меня в этом году большой исследовательский проект. Тема - "Психологическая адаптация студентов пер-

вого курса в закрытых образовательных средах". Серьёзная работа, мы будем публиковаться.

– Ого!.. – выдыхает Полина.

– Мне нужна ассистентка. Кто-то, кто сам проходит через этот процесс прямо сейчас. Кто-то внутри исследуемой группы, понимаешь? Ты будешь вести дневник наблюдений, фиксировать свои состояния, реакции, переживания. И раз в неделю мы с тобой будем разбирать всё это вместе.

– А это... это будет как наши сессии? – спрашивает она тихо.

– Нет-нет, – он мягко смеётся. – Это научная работа, Полина. Совсем другое. Хотя... если тебе понадобится поговорить со мной не как исследователю, а просто по-дружески – я всегда рядом. Ты знаешь.

– Спасибо. Я...

– Это будет отлично смотреться в твоём портфолио, – препод не даёт ей договорить. – Публикация на первом курсе – такое мало кто может себе позволить. К тому же тебе стипендию проще будет удержать.

Он знает про стипендию. И знает, что для неё это больная тема. Знает и бьёт ровно туда.

– Я... Да. Да, конечно. Спасибо, Руслан Анатольевич.

– Полина, – он качает головой и улыбается. – Просто Руслан. Мы же договаривались. Здесь я не твой терапевт. Наедине — просто Руслан.

Она краснеет. Смущённо и радостно.

– Тогда так, – он достаёт телефон. – Я скину тебе структуру проекта и шаблон дневника. Первая встреча – в пятницу, у меня в кабинете. Часов в шесть, после пар. Нормально?

Ммм... Вечерком, наедине. Мило.

– Да, отлично, – соглашается она.

– И вот ещё что, – Цыбалов касается её локтя и чуть сжимает. – Это между нами, хорошо? Проект пока не утверждён официально, и я не хочу, чтобы пошли разговоры. Сама понимаешь, другие студенты могут неправильно воспринять.

– Конечно, – кивает она. – Я никому не скажу.

Полина поправляет лямку рюкзака и улыбается ему, глядя снизу вверх. Он улыбается в ответ и мягко подталкивает её ладонью в спину.

– Беги на пару. Вечером напиши.

Она уходит.

У неё даже походка изменилась. Полина словно летит.

А Цыбалов провожает её взглядом. Потом оборачивается и замечает меня. Его лицо не меняется. Та же улыбка, та же мягкость. Но он меня запоминает. Я это вижу.

Уходит в сторону преподавательского корпуса. Спокойный, неторопливый, самоуверенный.

Все вечера Полины я займу. А для этого надо ускориться.

Сажусь на лавку и открываю ноутбук...

ГЛАВА 7. Просто игра.

Полина

Аудитория огромная, амфитеатром. Старые деревянные скамьи поднимаются полукругом, и чем выше ряд, тем они темнее. На стене за кафедрой – портрет мужчины с тяжёлым взглядом и бородой. Под портретом табличка: "Эрнст Александрович Листерман. 1875–1932".

Мы с Дашей садимся в середине. Она вертит головой, разглядывая всех вокруг. Я достаю тетрадь и ручку. Телефон кладу на колено экраном вверх. Призрак так не ответил.

– Видишь ту девочку? – шепчет Даша, кивая вниз.

В трёх рядах от нас сидит рыжая девчонка, которая тоже живёт на первом этаже в общежитии, её комната через одну от нашей.

– Её уже выбрали в рабство, – голос у Даши упавший. – И Сашку тоже выбрали. Шведов с четвёртого подошёл к ней прям в столовой.

– И что?

– Ничего. Просто... – она замолкает, потом выдаёт: – А вдруг меня никто не выберет?

Я поворачиваюсь к ней.

– Даш... Так это же прекрасно! Ты просто вслушайся в этот бред. Рабство, – чеканю каждую букву. – В двадцать

первом веке. Ну что это, блин, такое?

– Ну просто... это как-то унизительно, когда тебя даже не выбрали, – куксится она. – А посвящение может случиться уже в эту пятницу. Или в следующую. Никто точно не знает ни даты, ни времени. Но я чувствую – времени у нас всё меньше.

– Унизительно – это когда тебя выбирают в рабство. А не наоборот, – спорю с ней.

Она вздыхает, грызёт колпачок ручки. Я продолжаю:

– Омарову я отказала. На посвящение мы с тобой идём вместе. Сходим, посмотрим, чем они там нас собрались пугать, а потом целый год будем свободны, и никому не придётся прислуживать. Всё. Прекращай хандрить.

Я знаю, что Даша не сильно приветствует мой отказ мажору Омарову, но вроде мои слова приободряют её.

– Вместе на посвящении будет не страшно, – расплывается в улыбке.

Дверь аудитории открывается, и входит худой седой мужчина в твидовом пиджаке. Поднимается на кафедру, снимает очки, протирает их, надевает обратно. Обводит аудиторию долгим взглядом.

– Меня зовут Виктор Альбертович Штейн. Я преподаю историю и философию. И первое, что вы должны понять – вам невероятно повезло.

Делает паузу и ждёт, пока стихнет шорох.

– Вы сидите в аудитории, которой сто тридцать лет. Эти

скамьи помнят людей, которые меняли мир. И я не преувеличиваю.

Он выходит из-за кафедры и встаёт прямо перед первым рядом.

– Человек на портрете за моей спиной – Эрнст Александрович Листерман. Запомните это имя. Вы будете видеть его лицо каждый день. Эрнст открыл эту школу в тысяча восемьсот девяносто первом году. Ему было шестнадцать. Шестнадцать лет, – Штейн поднимает палец. – Вдумайтесь. Вам сейчас по восемнадцать-девятнадцать, и вы не можете решить, что взять в столовой на обед.

Смешки по рядам. Штейн не улыбается.

– Его отец, Александр Листерман, был блестящим физиологом. И, по мнению многих, безумным. Он изучал мозг. Не психологию, а физиологию мысли. Механику. Пытался понять, как работает разум на уровне материи. Большую часть экспериментов он проводил здесь, на этой территории. В здании, мимо которого вы ходите каждый день.

Штейн указывает в сторону окна.

– Старый флигель из кирпича за спортивной площадкой. С заколоченными окнами и запертой дверью. Кто-нибудь обращал внимание на это строение?

Тишина.

– Обратите. Но внутрь не лезьте. Здание в аварийном состоянии.

Я невольно выпрямляюсь. Чудесно. Старший курс запрёт

нас в разрушающемся здании.

– Александр Листерман погиб в том флигеле, – продолжает профессор. – В тысяча восемьсот восемьдесят девятом году. Тело нашёл его сын, четырнадцатилетний Эрнст. Обстоятельства смерти так и не были установлены.

Даша рядом тихо и безрадостно хмыкает.

– Эрнст отказался продолжать дело отца, занялся точными науками. Открыл техническую школу и положил в её основу один принцип: разум не нужно вскрывать скальпелем. Разум нужно развивать. Тренировать. Доводить до совершенства.

Штейн возвращается к кафедре.

– «Разум без границ» – девиз этой академии. Это слова Эрнста Листермана, написанные им в тысяча восемьсот девяносто первом году в день открытия школы. Он верил, что человеческий потенциал не имеет потолка. Что единственное ограничение – это лень, страх и привычка думать в рамках.

Он смотрит прямо на нас, в середину амфитеатра.

– Эрнст пережил революцию и гражданскую войну. Дважды отстоял школу, не допустив её закрытия. Умер в тридцать втором году в своём кабинете. В том самом, который сейчас занимает ректор. За столом, с пером в руке. Дописывая устав.

Штейн снимает очки и близоруко щурится.

– Ему было пятьдесят семь, но выглядел он на восемьде-

сят. Это место сожрало его целиком. И он позволил. Потому что верил – оно того стоит.

Тишина. Даже задние ряды молчат.

– Так что, – Штейн надевает очки обратно, – когда вам покажется, что здесь слишком тяжело учиться, слишком строго, слишком несправедливо – вспомните четырнадцатилетнего мальчика, который нашёл мёртвого отца на полу лаборатории, а через два года открыл свою школу. Вопросы?

Телефон на моём колене вибрирует. Сообщение от Призрака.

"Я покопался в сети и нашёл того, кто может снести любой вредоносный вирус и даже кастомный интерфейс удалённо. Скинуть тебе его контакт?"

Кастомный... Что это?

Быстро набираю под партой: "Да, конечно. Спасибо тебе большое".

Штейн начинает рассказывать про структуру курса. Даша строчит в тетради, а я смотрю на экран. Призрак вновь офлайн.

Штейн говорит что-то про экзамены, про допуски, про обязательные часы. Даша толкает меня локтем – видимо, я пропустила что-то важное. Киваю ей, типа потом. Снова смотрю на телефон. Призрак офлайн.

– Может, тебе к местным IT-шникам обратиться? – шепчет Даша. – Я слышала, есть такой Максим Литвинов. Он, правда, только на втором курсе, но о нём говорят, как о ге-

нии.

Вот когда она успевает добыть столько информации?

"Тогда, когда ты залипаешь на мужских торсах!" – услужливо подсказывает внутренний голос.

– Мне друг поможет, – отвечаю тоже шёпотом.

Промаявшись всю лекцию, так и не дожидаюсь сообщения от Призрака. В перерыве выходим на улицу.

– О, смотри кто тут... – Даша стреляет взглядом в сторону лавки.

Оборачиваюсь – и попадаю в плен карих глаз Омарова.

Он расслабленно сидит на лавочке, положив щиколотку одной ноги на колено другой и устроив сверху раскрытый ноутбук.

– Подойдёшь к нему? – спрашивает Даша.

– Больно много чести, – бормочу в ответ.

– Но он ведь явно тебя ждёт, Полин.

– Пусть ждёт.

В этот момент мой телефон вибрирует уведомлением. Смотрю на экран. Там всплывает часть сообщения от Призрака: "Прости, что так долго. Вот его конта..."

Улыбаюсь, испытывая облегчение. Даже взгляд победоносный бросаю на Омарова. А он вдруг дёргает уголком губ в подобии улыбки. И эта странная улыбка, больше похожая на гримасу, кажется мне зловещей.

Жму на уведомление, но что-то вдруг идёт совсем не по плану. Потому что в тот момент, когда палец касается

экрана, всплывает совсем другое уведомление. Вроде смски, спам-рассылки, что-то в этом духе. Я не успеваю разглядеть, потому что нажала уже. Вместо сообщения от Призрака, ткнула пальцев во что-то другое.

Открывается страница с каким-то текстом, и я с ужасом понимаю, что она цвета старой бумаги.

О боже!

Нет-нет-нет...

В центре страницы написано: "Чат со Степаном Омаровым будет доступен по ссылке".

И ссылка.

Всё ровно то же самое, что и на ноутбуке.

И не получается эту дрянь закрыть.

Вообще никак.

– Полин, ты чего?

Голос Даши слышится как сквозь вату. Руки мои дрожат от бессилия.

Вскинув голову, смотрю на Омарова. А он так спокойно смотрит на меня, словно вот ничего сейчас не сделал. Совсем ничего.

Потому что для него это просто игра с нищей девчонкой, которая не может себе позволить покупку нового телефона или компьютера. Просто игра... А для меня это и учёба, и жизнь, и вообще всё!

Разворачиваюсь к Даше и выпаливаю:

– Поможешь мне найти этого Литвинова?

Друзья! Хочу познакомить вас с ещё одной новинкой нашего моба!

Тебе от меня не убежать
Александра Астафьева
https://litnet.com/shrt/AtSi

В престижном учебном заведении, куда доступ открыт лишь «золотым деткам», появляется девушка из обычной семьи, талантливая и целеустремленная, но ставшая удобной мишенью для самого заносчивого мажора.

ГЛАВА 8. Проиграла?

Полина

Максима Литвинова мы находим лишь в середине дня в лаборатории по изучению теплоотводящих растворов для серверного охлаждения. Ну, по крайней мере, так написано на табличке на двери. А выглядит всё это как кабинет сумасшедшего алхимика.

Он в белом халате, в очках, в перчатках. Из колбы, которую держит, валит пар. Или дым. Непонятно. Мы с Дашей мнёмся на пороге, не решаясь отвлекать парня.

Максим ставит колбу в держатель, записывает что-то сначала в тетрадь, потом печатает в раскрытом ноутбуке. Смотрит в окно. Встаёт, приседает, снова встаёт.

Вообще-то, он странный. Дерганный даже.

Прокашливаюсь, делая шаг к нему. Максим снимает очки для опытов, водружает на нос другие – для зрения и удивлённо смотрит на нас.

– Девочки, вы ко мне?

– Да, – я киваю. – У меня вирус на компьютере и телефоне. Мне сказали, что ты можешь его удалить. Точнее, что только ты и можешь, – немного привираю.

И вижу, как ему лестно это слышать. Максим улыбается, откидываясь на спинку стула.

– Ну, допустим, могу, – стягивает перчатки. – Но я не работаю бесплатно.

А вот это уже плохо. Денег у меня почти нет.

Даша дёргает меня за рукав и шепчет:

– Соглашайся, Полин. Деньги не проблема.

Поворачиваюсь к ней, хмурясь.

– Я серьёзно! – всплёскивает руками Даша. И устремляется к Максиму: – Сколько это будет стоить?

– Сначала надо понять, что за вирус.

И пока я выуживаю из рюкзака ноутбук и включаю телефон, который пять раз уже перезагружала, но без толку, сбивчиво рассказываю Литвинову про этот вирус.

Что я перешла на сайт. Что появилась страница, которая теперь не убирается. Как баннер. А на телефоне перешла по сообщению случайно, и теперь там то же самое.

– Пфф... Понятно, – самоуверенно заявляет Максим. – Оверлейный баннер с блокировкой интерфейса. Скорее всего, прописался в автозагрузку через скрипт и подменил оболочку. Две минуты работы. Давай сюда.

Я не понимаю ни слова.

Мой ноут пыхтит, загружаясь, наконец появляется рабочий стол. А через мгновение его закрывает чёртова страница цвета старой бумаги.

– Вот, – разворачиваю ноут к Максиму, рядом кладу свой телефон. – Ноутбук вчера заразился, телефон сегодня.

Максим резко подаётся к экрану. Поднимает очки, опус-

кает, вчитывается и... качает головой.

– Нет, – бросает резко.

И так же резко захлопывает крышку моего ноутбука.

– В смысле «нет»? – дрожит голосок Даши.

– Я это не уберу.

– Почему? – шокированно выдыхаю я.

– Потому что... не стану, – изрекает этот гений.

– То есть... можешь, но не станешь? – уточняю я.

– Именно. Это вирус от Вируса. Сечёшь последствия моего вмешательства?

Кажется, теперь он злится.

– Какие последствия? Мы же заплатим, – пытается уговорить его Даша.

Но он непреклонен.

– Нет таких денег, чтобы я взялся за это.

Забирает свой ноут и уходит из лаборатории. Мы с Дашей переглядываемся.

– Вирус от Вируса... – повторяет Даша. – Ну точно. Омарова же называют Вирусом.

Я молчу. До меня вдруг доходит, что Степан Омаров не просто мажор и компьютерный гений. Он имеет огромное влияние. А значит, ещё опаснее, чем я себе представляла.

– Полин, – Даша берёт меня за руку, – ты что-то побледнела.

Побледнеешь тут.

– Надо найти другого специалиста, – бормочу в ответ.

Но я уже знаю – другого не будет. Если Литвинов, которого называют гением, отказался сделать даже за деньги – значит, всё. Это фиаско.

Сую мёртвый телефон и бесполезный ноутбук обратно в рюкзак.

– Пойдём, – говорю Даше.

– Куда?

Хороший вопрос. Куда идти, если единственный человек, который может тебе помочь, – тот самый, который тебя уничтожает?

– На пару пойдём. А потом вешать ленточки на дерево, мы же хотели, – изображаю беззаботный вид.

– Это не исправит ситуацию с техникой! – фыркает Даша.

– Я знаю...

Следующая пара – основы проектного мышления. Энергичная Инга Павловна Зорина открывает для нас аудиторию и входит первая. Мы гуськом за ней. Аудитория быстро заполняется, тут не только первый курс, ещё и второй. И, о ужас – четвёртый.

Омаров входит среди последних студентов, и наши взгляды тут же встречаются. Я смотрю на него с ненавистью, а он вообще без эмоций.

Про таких говорят "книга, которую никогда не прочтёшь, потому что она на неизвестном тебе языке". И если вдруг знаешь язык, то не понимаешь диалекта.

Я вообще не понимаю Степана Омарова. И всё ещё зада-

юсь вопросом – почему я? Неужели так задела его вчера, когда не назвала своего имени?

Но это же бред...

Зорина закрывает дверь аудитории и разворачивается к нам. Степан садится на наш с Дашей ряд, но с краю. Я его не вижу, если не смотреть специально. И я не смотрю...

Поставив локти на парту, пытаюсь слушать преподавателя. Зорина рассказывает, что весь курс построен на выполнении командных проектов. Каждый месяц – новый проект. Команды межфакультетные. Первое задание получим на следующем занятии.

– Это не рефераты и не доклады, – чеканит она. – Вы будете создавать реальные продукты для реальных заказчиков. Кто думал отсидеться – не получится. Оценки только групповые. Тянешь команду вниз – летишь сам. Без исключений. Без поблажек. Без "у меня папа спонсор".

Последнюю фразу она произносит, глядя в сторону четвёртого курса.

Сама того не ожидая, скашиваю глаза вправо и натыкаюсь на взгляд Степана. Положив руки на парту, он устроился на них щекой и просто смотрит на меня. Рукава задрались, хорошо видны татуировки на жилистых запястьях, на голове – капюшон.

Отворачиваюсь.

Да оставь ты меня в покое!

– А теперь достаём телефоны и ноутбуки. Кому на чём

удобнее работать. Сканируем QR-код на доске и регистрируемся на проектной платформе академии. Без регистрации вы не получите доступ к заданиям, материалам и не сможете сдать ни одну работу. Срок – до конца сегодняшнего дня. Кто не зарегистрируется – на следующее занятие может не приходить.

Все достают телефоны, я зажмуриваюсь от бессилия.. Даша пытается придумать варианты:

– Мы так сделаем – я зарегистрируюсь, потом разлогинюсь, и ты войдёшь с моего телефона. Или... давай я тебе телефон закажу. Точно, Полин. Давай просто купим тебе телефон!

Она так легко это предлагает, будто деньги ничего для неё не значат. А вот для меня – значат.

– Нет. Это не вариант.

С трудом досиживаю лекцию, всё отчётливее понимая, что без техники мне здесь не выжить. Когда все начинают собирать вещи и покидать аудиторию, мы с Дашей задерживаемся, чтобы не толкаться в дверях. Омаров тоже не спешит, болтая в проходе с друзьями.

– А что конкретно предполагает рабство? – спрашиваю я у Даши, чувствуя, как меня внутренне бомбит.

Я сдаюсь, да?

Проиграла?

– Я точно не знаю, Полин. Вряд ли что-то непристойное, – она улыбается, поглядывая на Омарова и его друзей. – Ты

посмотри на них. Особенно на Соколова. Ну это же ожившая картинка! Нейронка, блин. Таких в реале существовать не должно. А он вон стоит, живой, дышит. Улыбается... Боже! Походу, мне.

Даша краснеет до корней волос от внимания этого мажора. Я же, прикусив щёку изнутри, прожигаю взглядом Омарова.

Чёрт!

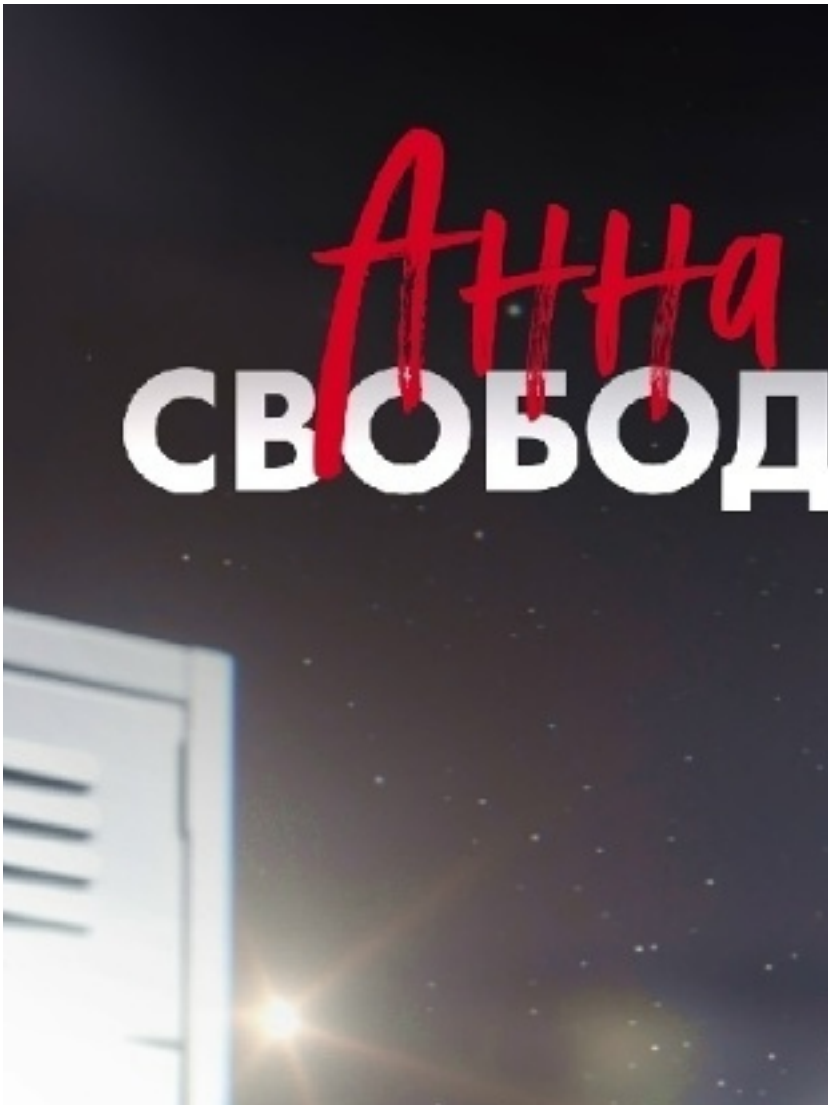
Ладно. Похоже, я сдаюсь...

Завтра хочу добавить визуалы и других героев романа! Напишите в комментариях на кого интересно посмотреть))

А пока приглашаю в новинку нашего моба от Анны Свобода.

Без вариантов. Моя!

https://litnet.com/shrt/ARla

Анна
СВОБОД

Я умудрилась перейти дорогу самому беспринципному, хладнокровному подонку с нашего курса. Тогда я ещё не знала, что мы будем учиться вместе.

Если бы знала, пошла бы другой дорогой, чтобы никогда с ним не сталкиваться.

Он уверен, что я к нему неравнодушна. А я… Кажется, он прав.

ГЛАВА 9. Правила можно нарушать.

Полина

Эта троица мажоров, похоже, не собирается расходиться, хотя аудитория почти опустела.

– Ладно, пошли, – говорю Даше.

Поднимаюсь со стула, вешаю рюкзак на плечи, не сводя взгляда с Омарова. А он смотрит в ответ так, будто на двести процентов уверен, что сейчас я упаду ему в ноги и соглашусь на рабство.

Но я просто не могу! И если всё же сломаюсь окончательно, ни за что не сделаю этого перед его друзьями.

Не разделяю я любовь Даши к этим мажорам. Вообще ко всем мажорам.

Внезапно один из них, тот самый Артём, которого так восхваляла Даша, хватает за руку проходящую мимо него студентку. Не считая нас, она последняя в аудитории, и будто тоже ждала, когда эти трое уйдут.

– Малыш, а ты куда? – воркующим голосом спрашивает Артём. – Ты забыла спросить у меня разрешения.

Девчонка выглядит довольно бойко. Вскинув голову, пристально смотрит Артёму в глаза. Красивая. Не накрашенная,

ни грамма косметики. Из тех, кому она и не нужна. Высокие скулы, тёмные брови, длинная шея. И взгляд такой, будто Артём просто букашка, несмотря на то, что выше её на голову.

– Это его рабыня. Я слышала, что Артём уже выбрал, но не знала, кого, – шепчет мне в самое ухо Даша, вцепившись в руку мёртвой хваткой.

Этот болевой захват не даёт мне двинуться дальше. И мы стоим возле парты и просто смотрим на то, как мажор унижает эту девчонку.

– Я слушаю, малыш, – подгоняет её парень.

Омаров продолжает смотреть только на меня. А его второй друг, блондин, хищно улыбается, лениво прислонившись плечом к стене.

– Хочу выпить кофе, – говорит она ровным тоном. – А потом я пойду в общагу. Можно? – а вот последнее слово буквально выплёвывает.

– Окей, – кивает Артём. – Только оставь мне кое-что. Ты знаешь, что это.

И протягивает руку.

А она вскидывает подбородок ещё выше и внезапно ныряет руками под юбку, стягивает свои трусики и вручает этому придурку. Тот самодовольно запихивает их в карман брюк.

Девчонка уж было стартует от него, но он быстро хватает её за локоть и возвращает обратно.

– Ещё кое-что забыла, малыш, – стучит пальцем по своей

щеке.

И она его быстро чмокает в эту самую щёку. После чего всё же убегает.

Двое из троих идиотов ржут. Омаров же выглядит так, будто прямо сейчас понял... Понял одну очень важную вещь! Что я скорее скормлю ему своё бельё, чем позволю себя так унизить.

Во всяком случае, именно этот месседж я ему транслирую и взглядом, и злой миной.

Пролетаю мимо него и выбегаю в коридор. Даша торопится за мной.

Я просто чертовски зла сейчас на общество этих грёбаных мажоров.

– Полин, куда ты так летишь? – семенит за мной Даша.

А я хочу догнать ту девчонку. Заворачиваю за угол корпуса и вижу – она стоит у автомата с кофе. Тыкает в кнопки, промахивается, тыкает снова.

– Эй, – подхожу к ней. – Ты в порядке?

Она дёргается, оборачивается. Смеряет меня взглядом с головы до ног.

– Ты кто?

– Я... просто видела, что там было. В аудитории.

– Ну супер, – морщится девушка, отворачиваясь к автомату.

Вблизи она ещё красивее. Чистая кожа, ни пятнышка, густые тёмные волосы забраны в тугой хвост. Из тех девчонок,

которые заходят в комнату – и все смотрят только на них.

– Что ещё он просит? Ты можешь рассказать, какие обязанности у рабыни? – голос мой подрагивает от ненавистной темы.

Она небрежно пожимает плечом.

– Впереди целый год, чтобы это выяснить.

Я сдуваюсь. Никто не расскажет мне, чего ждать от Омарова.

– Тебя кто-то выбрал? – спрашивает она.

Киваю и признаюсь:

– Я не хочу соглашаться.

– Ты думаешь, у нас есть выбор? – снисходительно улыбается она. И тут же сама и отвечает: – Нет, выбора у нас нет. Попробуй отказаться – и получишь сполна. Я знаю, о чём говорю, моя сестра здесь училась. Как тебя зовут?

– Полина.

– Полин, трусы – это хрень. Ну серьёзно. Стыдно, конечно, но это понятная хрень. Конкретный чувак, конкретные выходки, конкретный год. А потом всё. А посвящение... – качает головой. – Я не знаю, что там. И не знаю никого, кто бы рассказал. И вот от этого мне страшнее, чем от любых трусиков. Воображение такое дорисовывает, что рядом с этим Соколов – детский утренник. И, пережив посвящение, придётся целый год терпеть нападки мажоров, потому что я посмела отказать одному из них. Только тебе решать, как пройдёт этот год, – говорит уже спокойнее. – Но я бы с этим не

тянула.

Выбрасывает стаканчик в урну, так и не допив кофе, разворачивается и уходит. А я почему-то абсолютно уверена: этот Соколов ещё пожалеет, что выбрал именно её.

Мы с Дашей переглядываемся.

– Ну она крутая, – изрекает подруга.

– Бесстрашная, – вздыхаю я.

Раньше я тоже никого не боялась.

– И что ты решила с Омаровым?

– Ничего не решила. Пойдём лучше ленточки вешать.

Идём к дереву. Оно стоит в некотором отдалении от корпусов, и мы шагаем по траве и опавшим листьям. Вдруг слышу за спиной какой-то шорох и оборачиваюсь.

Омаров. Уже один, без придурков друзей, неторопливо идёт за нами.

– Да он какой-то сталкер, – кривит губы Даша.

– Так и есть, – соглашаюсь с ней. – Уверена: то, что он делает, ещё и противозаконно. Но вряд ли доказуемо. Если обращусь в полицию, вирус тут же испарится с моего компьютера и телефона. Словно его и не было.

– Полин, да согласись ты уже. Очевидно же, что он не оставит тебя в покое. И учиться нормально не даст. Вообще жизни не даст.

– Я не хочу играть по его правилам, Даш.

– А ты их нарушай.

– В смысле?

Мы останавливаемся возле толстенного ствола дерева, и я смотрю вверх. Сквозь густо сплетённые ветви и листья видно голубое небо.

Даша приваливается спиной к стволу и, прищурившись, смотрит на Омарова, который приближается к нам, но пока ещё довольно далеко.

– Я не знаю, как, – говорит она негромко. – Тебе ведь главное – излечить свой ноут и телефон. Добейся этого. А потом, если тебе покажется, что он жестит, как Соколов, мы что-нибудь придумаем для отмщения. Ну не знаю... Будет просить тебя принести ему кофе – а мы будем добавлять в него соль.

– Или яд, – хищно улыбаюсь.

– Попросит снять трусики – скажешь, что на тебе их нет, – прыскает Даша.

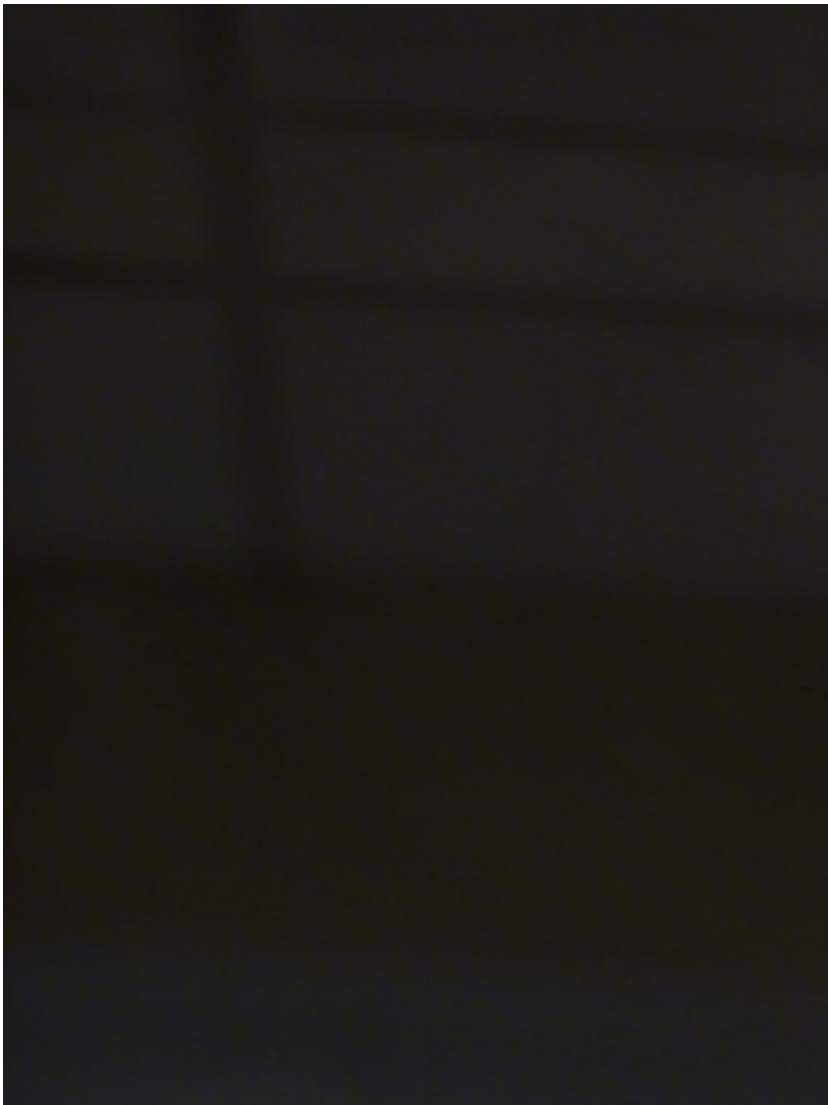
– А лучше буду носить сразу двое, – тоже смеюсь я.

Вообще-то, мой смех сейчас похож на истерику.

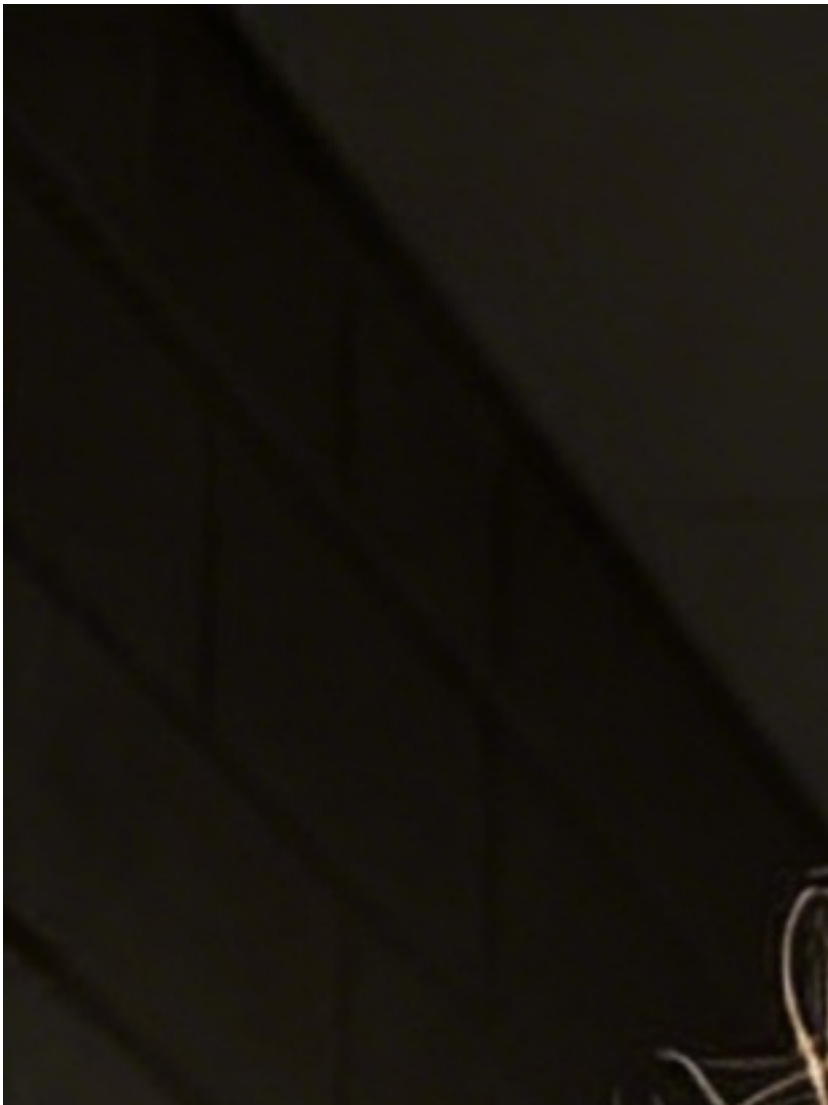
– Нет такого правила, которое нельзя нарушить, – тараторит Даша, потому что Омаров уже близко. – Соглашайся, Полин. Выбора нет.

Обещанный визуал)

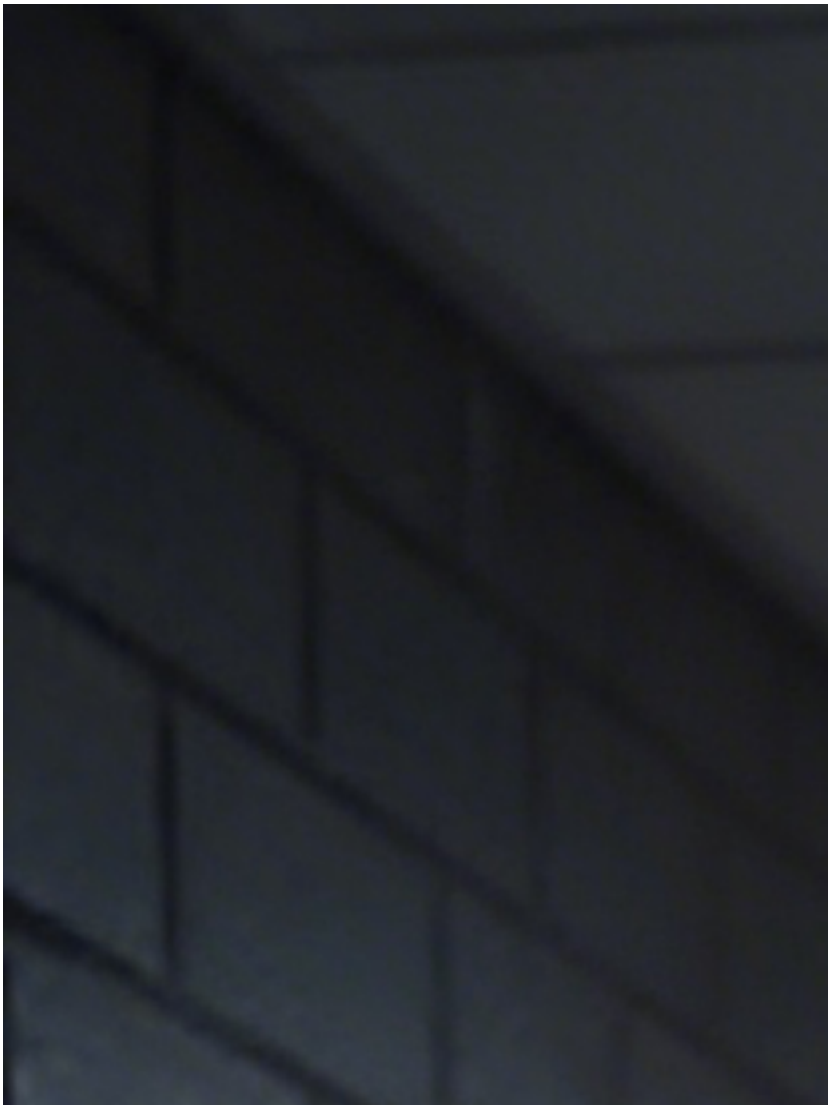
Даша

Макс Воронов

Артём Соколов

Цыбалов

А ЕЩЁ Я ПРИГЛАШАЮ ВАС В НОВИНКУ НАШЕГО МОБА ОТ

Кейт Морф

Между нами ненависть

https://litnet.com/shrt/qFrq

СОВРЕМЕННАЯ
МОЛОДЕЖНАЯ
проза

Когда мажор решил, что скромная первокурсница станет его следующим трофеем, вся элитная Академия сделала ставки.

Только никто не ожидал, что она даст отпор, он потеряет контроль, а игра выйдет за рамки привычного финала.

ГЛАВА 10. Нечитаемый код.

Вирус

Я умею читать людей как исходный код программы. Вижу архитектуру, нахожу уязвимости, предсказываю поведение ещё до того, как человек сам решит, что будет делать. Люди думают, что они сложные. На деле же большинство написаны на простейшем языке, с кучей багов и без единого уровня защиты.

Но это не плюс моей жизни, а минус. Потому что меня больше ничего не удивляет и не вдохновляет. Когда знаешь финал до начала – зачем смотреть?

А вот её прочитать пока не получается. Поэтому я почти на автопилоте иду за ней.

Они останавливаются возле дерева и шепчутся – явно обо мне. Полина быстро вешает ленту, без энтузиазма, на самую нижнюю ветку. Её подружка карабкается чуть выше.

Останавливаюсь возле них, и Полина разворачивается ко мне. Упирает руки в бока, гордо вскидывает подбородок. И в данную секунду я вообще не знаю, что у неё на уме. И это не просто бесит. От этого кровь вскипает в венах.

Смотрим друг на друга. Полина молчит так долго, словно научилась этому у меня.

Склонив голову набок, веду взглядом от макушки до её

дешёвых кед. Просто девчонка. Из провинции. С непропорционально большими глазами. Без лоска, без всяких апгрейдов губ и сисек. И меня от неё бомбит.

– Я решила, – наконец говорит Полина. И, нахмурившись, произносит: – Буду твоей рабыней, так и быть. Почини мою технику.

Качаю головой.

– Всё будет не так. Согласие должно быть публичным. Ты можешь сделать это в аудитории, перед остальными студентами и моими друзьями. Или на парковке, только перед моими друзьями. Видишь? Я не так плох и даю тебе выбор. А ты взамен должна проявить чуточку искренности.

С каждым моим словом Полина бледнеет и выглядит теперь так, словно её сейчас стошнит. Вроде даже открывает рот – наверняка, чтобы меня послать – но переглядывается с подругой и сжимает губы.

Наконец кивает.

– Хорошо, я подойду к тебе на парковке, – говорит бесцветным тоном. – И ты сразу починишь мою технику, – тут же выставляет условия.

Вновь качаю головой.

– Тебе придётся это заслужить, – отрезаю я.

После чего разворачиваюсь и ухожу.

Следующей пары нет, у четвёртого курса окно. Мы гоняем баскетбольный мяч по площадке, и Макс всё вещает про

посвящение:

– Короче, кто-то из наших слил, что мы наметили ночь посвящения на пятницу. И надо переносить. Потому что должен быть сюрприз.

– Что со съёмкой, Стёп? – отдаёт мне пас Артём.

Веду мяч под кольцо, забрасываю с прыжка. Макс забирает мяч, чеканит до линии, пробивает трёхочковый.

Я иду попить воды, а пацаны ждут от меня ответа.

Бля, не хочу! Через час у меня будет всё, что мне нужно. Полина. Не хочу отвлекаться от неё.

– Вирус, да хорош интригу держать, – пасует мне Ворон. – Я уже купил камеры, километры проводов и всякой допхерни. Подключи, а? Картинка нужна в стиле хоррора. Ты же шаришь.

Сокол дожимает:

– Для нас это последний год в академии. Никто до нас кино не снимал. И тем более, в сеть не заливал. А мы хотим ещё и в реальном времени. Типа – стрим.

– А как же таинство ночи посвящения? – хмыкаю, отбирая у Артёма мяч.

Снова закидываю в кольцо.

– Движуха в ночь посвящения каждый год разная. И мы не во флигеле же будем. Считай, эксклюзивный контент.

Оборачиваюсь.

– Ладно.

Они начинают довольно улюлюкать и ржать. Хлопают ме-

ня по плечам.

– Ну всё, теперь ты точно свой, – довольно лыбится Сокол.

Я им свой с пелёнок, вообще-то.

Доигрываем и идём на парковку. Пацаны обсуждают, куда сейчас рванём. Сокол хочет в город, наведаться на пирс. Ворон уже бронирует випку в «Руинах», на пирс он не хочет. А я и в город не хочу, там слишком много знакомых лиц.

Три машины стоят рядом. Белый «Мерседес» Сокола, матовый серый «Порше» Ворона и мой чёрный «БМВ». Сокол облокачивается на капот своего, Ворон крутит ключи на пальце. Я сажусь на капот, откидываюсь назад, упираясь ладонями в тёплый металл. И жду.

– Ты чего? – Ворон щурится. – Едем или нет?

– Подождём.

– Кого?

Не отвечаю.

Артём записывает голосовое:

– Тащи свою сексапильную попку на парковку, едем гулять.

Понятно. Рабыню свою зовёт. А вот Макс молчит о своей. То ли передумал, то ли получил отказ.

Смотрю на аллею, ведущую от корпусов к парковке. Наконец на ней появляются две знакомые фигурки. Одна чуть выше, с тёмными волосами. Другая поменьше, светленькая. Идут довольно быстро. Та, что поменьше, чуть впереди. Та,

что повыше, что-то говорит ей на ходу, жестикулируя.

Полина останавливается на краю парковки и смотрит на меня. Подружка подталкивает её в спину. Полина дёргает плечом, сбрасывая её руку, поправляет лямки рюкзака и решительно шагает ко мне.

И даже сейчас она – как нечитаемый код. Потому что на лице написано – пошлёт. Но ведь не должна же.

Сокол и Ворон замолкают. Полина останавливается передо мной, облизывает пересохшие губы, прокашливается...

– Я согласна быть твоей рабыней, Омаров. На год. По правилам академии, – чеканит с официозом.

– «По правилам академии», – повторяет Соколов и фыркает.

Макс открыто ржёт.

Я не смеюсь. Она не отводит глаз. Сжав губы, теребит лямки рюкзака.

«По правилам академии», – мысленно повторяю я, пытаясь разложить этот месседж по разным плоскостям. Что она этим хочет сказать?

В правилах академии нет никакого рабства, само собой. Это придумали старшекурсники. Посвящение – это забава, на которую ректор и преподаватели закрывают глаза.

Её реплика – это подвох? Или она просто хочет обозначить рамки? Границы, условия, оговорки... Красную линию, которую она прочертила прямо по асфальту этой парковки.

– Хорошо, – отвечаю я наконец.

Спрыгиваю с капота. Обхожу машину и открываю пассажирскую дверь.

– Поехали, – говорю ей.

Она делает шаг назад.

– Куда?

– Не всё ли равно? Отказаться ты уже не можешь, твоё время теперь моё. Ты – моя рабыня и просто подчиняешься. Садись.

Девочки! Приглашаю в свою новинку! Она будет бесплатной до завершения, плюс день. И там у нас тоже академия Листермана)

Заглядывайте)

Кира
СОРОКА

https://litnet.com/shrt/jJAf

ГЛАВА 11. Ты мне неприятен.

Полина

Оборачиваюсь, чтобы посмотреть на Дашу. А её уже нет.

Мимо меня проплывает та девушка – рабыня Артёма, и он распахивает для неё дверь своего «Мерседеса». А потом дерзко подмигивает мне и садится за руль.

Во что я вляпалась, чёрт возьми?

Но точнее вопрос должен звучать иначе. Во что я опять вляпалась? Опять!

Омаров так и стоит с распахнутой дверью, и я решительно подхожу к нему. Снимаю с плеч рюкзак, заглядываю в машину.

– Это просто тачка, Полин, – внезапно шепчет он, наклонившись и подступив слишком близко.

Выпрямляюсь. И, глядя в тёмные глаза, медленно опускаюсь на сиденье. И мы не разрываем зрительного контакта, ни пока он закрывает дверцу, ни пока обходит машину и садится за руль.

– Так куда мы поедем? – спрашиваю я, отвернувшись от него и обняв свой рюкзак.

Судя по всему, едем мы с его друзьями, и меня очень радует, что будет ещё одна девушка.

– К морю, – коротко бросает Омаров и заводит мотор.

«Мерседес» первым выезжает с парковки, за ним «Порше», а потом уже мы. Музыку он не включает, едем в тишине. Мимо проплывают ухоженные участки с роскошными виллами пригорода Ривьера-сити. Потом начинается серпантин. Вокруг горы, склоны которых густо заросли ещё зелёными деревьями. И камни. Много камней. Я обожаю горную породу и глазею по сторонам, старательно скрывая своё восхищение.

Вирус молчит.

Хорошо, пусть молчит.

Проходит минут пятнадцать, и это молчание начинает меня напрягать. Сначала ёрзаю в кресле, потом поворачиваюсь к парню за рулём.

– Как мне тебя называть? По имени? Или Вирусом? – спрашиваю довольно язвительно.

– Хозяином называй, – невозмутимо бросает Омаров.

Я шокированно моргаю.

– Что?

– И говорить ты будешь, только когда я тебе разрешу. Или когда спрошу твоё мнение, или попрошу участвовать в диалоге.

Я... Да я просто в шоке!

Мотаю головой, отворачиваюсь. Он сейчас озвучил свои правила таким спокойным тоном, словно это... нормально. Словно в их мажорском мире абсолютно нормально иметь послушных рабынь, которые издают звуки только по разре-

шению.

– Это шутка, Полин, – говорит он вдруг, касаясь ладонью моей ноги.

И я не смотрю в его наглое лицо, а пялюсь на его руку, уверенно лежащую на моём бедре, там, где заканчивается юбка.

Шутка, да?

– А это? – голос просаживается до хрипа. – Это тоже шутка? Или ты можешь так делать, потому что я твоя рабыня?

Ох, как же меня бомбит! Но вместе с тем я в каком-то ступоре. Потому что его рука так и лежит на моей ноге. Тёплая и увесистая.

– Делать что? Трогать тебя? – уточняет Омаров.

Поднимаю глаза к его лицу. Он почти не следит за дорогой, хотя она петляет из стороны в сторону.

– Да. Трогать.

Он хмурит брови. На секунду бросает взгляд вперёд и наконец убирает руку.

– Наверное, могу.

Ну и что это значит?

– Я же в академии первый год на очном, – объясняет он. – Сам ещё толком в правилах не разобрался.

Бедненький, как же ему сложно... Не разобрался он. Зато быстро испортить мне жизнь получилось у него легко – сложилось прямо как по нотам.

– Тебе неприятны мои прикосновения? – спрашивает Ви-

рус, шокируя меня снова.

И даже не вопросом, а тоном. Словно и правда не понимает, что меня здесь и быть-то не должно.

– Неприятны, – отвечаю я.

– Почему?

– Потому что ты мне неприятен как парень! – выпаливаю я.

– А кто приятен?

– Да кто угодно, но не ты.

– Кто угодно? Ворон приятен? Сокол? – показывает подбородком на впереди идущие машины.

– Они оба тоже нет.

– Тогда не кто угодно, Полин. Значит, должен быть конкретный человек, который приятен. Назови его.

Да господи!

«Да кто угодно» было сказано в сердцах. Но Вирус, похоже, не знает, что такое фигура речи. Для него слова – это код. Сказала «кто угодно» – значит, есть эти конкретные кто-то. Сказала «нет» – значит, нужно уточнить параметры отказа. Он разговаривает со мной, как с программой, в которой нашёл ошибку и теперь методично выясняет, в какой строчке она допущена.

– В данный момент я не могу назвать конкретного человека, – цежу сквозь зубы. – Это была фигура речи. Знаешь такое понятие?

– Знаю. Не пользуюсь.

Закатываю глаза. Ужас какой... Не парень, а ужас.

– Что мы будем делать на море? – резко меняю тему.

– Купаться.

– Я не буду. У меня нет с собой купальника, – категорически отказываюсь я.

– Ты не можешь отказаться, Полин, – говорит он мягко. – Как я уже сказал, ты должна подчиняться. Иначе всё это не имеет смысла, и ты просто притворяешься, пытаясь получить желаемое. Свой исправный ноутбук, свой телефон и свою жизнь.

Как он, чёрт возьми, верно это подметил!

– Но ты привыкнешь к своему новому статусу, – продолжает Вирус. – Тебе понравится жить, особо не принимая никаких решений. И я тоже, скорее всего, начну тебе нравиться. И мои прикосновения станут тебе приятны.

Он так уверен в этом, что мне хочется хмыкнуть.

Придурок. Самоуверенный и самовлюблённый.

Дорога поворачивает к морю. Здесь круто, а мчим мы слишком быстро. Я хватаюсь за ручку на двери и зажмуриваюсь.

Год назад я попала в передрягу с компашкой таких же мажоров, как этот. И к списку того, что вызывает страх и неприязнь, теперь относятся ещё и чужие машины. Вообще машины и быстрая езда.

– Ты боишься?

Сквозь стучащий в висках пульс слышу голос Вируса.

– Да, немного, – выдавливаю из себя.

– Хорошо, я сбавлю скорость.

И реально её скидывает. Теперь мы едем медленно, сильно отставая от остальных.

Не доезжая до города, сворачиваем к морю. Через пару минут проезжаем под каким-то мостом и выезжаем прямо на пляж. На дикий пляж. Здесь ни одной живой души.

Омаров смотрит на меня нечитаемым взглядом.

– Ты будешь купаться, – и он не спрашивает.

А я всё равно киваю и говорю:

– Да.

Чтобы сохранить хотя бы иллюзию того, что ещё что-то решаю.

Да и искупаться – меньшее из зол, наверное.

– Хорошо, – он дёргает уголком губ в подобии улыбки.

А потом одним резким движением стягивает с себя худи и кидает на заднее сиденье. И я, похоже, тоже должна раздеться...

Хочу познакомить вас с ещё одной новинкой нашего моба от Анны Бигси и Нюты Царёвой

Мой сводный бунтарь

https://litnet.com/shrt/bu4t

ERODED

Элитная академия «AURUM», где «золото» диктует правила, а «отбросы» вроде меня должны знать своё место.

Вот только я не собираюсь подчиняться. Особенно сводной. Она идеальная до раздражения. Холодная до дрожи. Та, к которой нельзя прикасаться… но с каждым днем хочется всё сильнее.

Она ненавидит меня с первого взгляда. Я отвечаю ей тем же. Мы играем в войну. Она уверена, что сломает меня. Я — что заставлю её забыть все правила…

ГЛАВА 12. Неогранённый брюлик

Вирус

Она неуверенно берётся за пуговицы на рубашке и смотрит на меня так, словно я худший из людей.

Должен ли быть в правилах «рабыня vs хозяин» пунктик о том, что она должна смотреть как-то иначе? Как вариант — спокойнее. Не транслируя вот эту бурю у себя внутри.

Мне хочется выяснить всё это немедленно, и я покидаю тачку, бросив на Полину последний оценивающий взгляд. Судя по моей оценке, раздеваться она тут будет ещё минут сорок.

— У тебя пять минут, — говорю ей и захлопываю дверь.

Иду к Максу. Сокол занят своей Софией. Я знаю, что он выбрал её из-за какой-то там мести, и девчонка очевидно попала. Но и он попал тоже, потому что она совсем не простая.

Макс сидит на камне, избавившись от рубашки и залипая в телефоне. Сажусь рядом.

— Ты никого не выбрал? — спрашиваю прямо в лоб.

— Аа? — поднимает на меня взгляд. — Ты о рабыне? Нет, пока нет. Передумал.

— Передумал выбирать?

Он смеётся.

— Передумал насчёт одной особы. Другой кандидатуры

пока нет. Сокол забрал самую знойную, — подбородком дёргает в сторону Софии Бондаревой.

Бондаревы — известная семья в Ривьера-сити, если что.

— Ну и ты тоже, — Макс стреляет взглядом в сторону моей машины. — Отхватил неогранённый брюлик. Вот я теперь и маюсь, как вас, блять, переплюнуть.

— Вы купаться идёте или как? — кричит нам Сокол от воды.

Свою рабыню он держит на руках — походу собирается затащить в море прямо в одежде. Она не кричит, не вырывается. С ледяным спокойствием смотрит ему в лицо.

И вроде бы с ненавистью даже.

— Что может входить в обязанности рабыни? — спрашиваю Макса.

Он откладывает телефон, расплывается в широкой улыбке и выдаёт:

— Ты про секс? Это вообще легко. Она не имеет права отказать. Ни в чём, сечёшь? Любая твоя прихоть — и она исполняет.

— То есть если я попрошу её...

— Не попрошу, а прикажу, — поправляет Макс. — Смысл этой традиции в том, что рабство должно быть рабством. Не физический труд, само собой. Но полное подчинение. Посмотри на Сокола. Он развлекается с самого утра с новой игрушкой. И только начал. Столько всего для неё ещё припасено. А секс... это как бонус, если скучно, — подмигивает

Софии, на секунду бросившей взгляд в нашу сторону. — Так что ты хочешь приказать своей рабыне?

— Быть приветливее, — хмыкаю.

Макс, кажется, в шоке.

— Ты можешь взять её прямо в машине, Вирус. Без чувств, без сожалений. И хочешь попросить её быть приветливее? Ты, похоже, не вкурил всего кайфа своего положения, да? Это доступно лишь четвёртому курсу. И только на один год. Пользуйся, брат.

Макс поднимается, идёт к воде, на ходу снимая брюки. А из моей тачки наконец выходит Полина. Рубашку не сняла, просто расстегнула. Зато юбки на ней нет, и рубашка лишь слегка прикрывает бёдра. Под ней самый обычный комплект белья. Чёрный. Без рюшечек и кружев. Я такое люблю.

Она стоит босиком на тёплой крупной гальке и смотрит на море. Ветер треплет ей волосы, и она придерживает полы рубашки, чтобы не задрались. Потом замечает меня и тут же натягивает на лицо выражение «ты мне отвратителен».

Подхожу. Она делает шаг назад.

— Зачем тебе это нужно? — спрашивает тихо. — Прямо так приспичило искупаться?

— Почему бы и нет? Погода скоро испортится. А ещё я знаю, что ты сама этого хочешь.

Вскидывает брови.

— Откуда?

— Ты не местная. На море бываешь редко. Или вообще

ни разу не была.

Кусает губы, пряча взгляд. Не опровергает.

Беру её за руку. Дёргается, но не вырывает. Пальцы прохладные, мелко подрагивают. Идём к воде. Море сегодня светлое. Волны набегают на берег лениво, почти беззвучно.

— Я сама могу, — всё же выдёргивает руку Полина.

И пока я снимаю обувь и штаны, она заходит в воду. Та касается её ступней, потом колен, бёдер... Рубашка намокает снизу.

Полина останавливается и оборачивается. Что-то изменилось в её лице. Злость никуда не делась, но под ней проступает другое. Что-то, что она очень старательно прячет.

Ей нравится.

Она ныряет.

Выныривает, откидывает мокрые волосы назад, и на долю секунды — на одну грёбаную долю секунды — улыбается. Не мне. Морю. Небу. Солнцу. Чему угодно, но не мне.

А потом вспоминает, где она и с кем, и улыбка гаснет.

Захожу в воду следом.

Макс уже достал из машины волейбольный мяч и орёт с берега:

— Давайте, три на три!

— Нас трое, дебил, — отзывается Сокол.

— Ну значит, каждый сам за себя!

Начинаем перекидывать мяч. Играем по пояс в воде, он летает над головами.

Девчонки плавают в стороне. Краем глаза вижу, как София что-то говорит Полине. Та слушает, кивает. Потом отвечает. Бондарева сухо смеётся, Полина — нет.

Мяч улетает метров на десять к горизонту. Ныряю и плыву за ним. Когда возвращаюсь, перебрасываю его Максу и снова смотрю на рабынь. Они перебрались на берег. Сидят рядом, Полина яростно жестикулирует, рассказывая что-то Бондаревой. А та с прищуром смотрит на Сокола. Потом завязывает концы рубашки узлом под грудью, полностью оголяя живот.

Трусиков на девчонке нет, поэтому она в юбке. И, кажется, смутить её чем-то — задача нерешаемая.

Доигрываем. Сокол, как обычно, объявляет себя победителем. Макс, как обычно, оспаривает. Выхожу из воды и иду к машине.

Полина уже стоит на берегу, обхватив себя руками. Мокрая рубашка прилипла к телу. Дрожит, хотя на улице тепло. Или это не от холода?

Открываю заднюю дверь, достаю худи. Подхожу к ней.

— Сними рубашку.

Вскидывает подбородок.

— А если не хочу?

— Можешь не хотеть, но снимешь.

Сжав губы, быстро стягивает рубашку и швыряет её на капот.

Капли воды с её волос бегут по телу: по ключицам, рукам,

животу. Влага собирается даже в ямке пупка.

Полина смотрит на меня волком, потому что я откровенно пялюсь.

Надеваю на неё худи. Сначала она даже сопротивляется, но потом покорно продевает руки в рукава и одёргивает ткань вниз, прикрывая бёдра.

— Теперь бельё, — говорю ровным голосом, глядя в её распахнутые от ужаса глаза.

— В смысле? — выдыхает почти беззвучно.

— Сними. Под худаком ничего не видно. Оно мокрое. Сними.

Последнее слово вдавливаю интонацией.

Полина стоит не шевелясь долгих пять секунд, а потом, видимо, психует и импульсивно забирается руками под кофту. Трусики сползают по ногам. Верх она снимает ещё быстрее — просто расстёгивает застёжку сзади прямо через ткань. Бюстгальтер падает к её ногам. Оказывается без бретелек.

— Ты счастлив? — смотрит мне в глаза.

— При чём здесь счастье? Так тебе будет комфортнее. Быстрее высохнешь и перестанешь дрожать. Собирай вещи, мы уезжаем.

Она фыркает и отворачивается. Присаживается на корточки, поднимает бельё, отжимает. Заворачивает в мокрую рубашку, рубашку — в сухую юбку. Весь свёрток запихивает в рюкзак.

— Я готова, — бросает мне.

Смотрю на Макса. Он всё ещё в одних трусах, привалился к кузову своей тачки и вновь залипает в телефон. Сокол заперся в «Мерседесе», естественно не один.

— Мы поехали, — окликаю Ворона.

— Я в Руины наведаюсь, — взмахивает рукой. — Будет скучно — приезжай. Хотя... — подмигивает.

Не мне. Моей рабыне, которая уже сидит в машине.

Падаю за руль, сдаю назад. Резво разворачиваюсь, вдавливаю газ в пол...

А потом заставляю себя сбросить скорость. Потому что рядом трясущаяся от страха девчонка.

Выбираемся на серпантин. Полина молчит, смотрит в окно. Ворот худи натянула до подбородка, ноги поджала под себя. На заднем сиденье — рюкзак с мокрыми вещами.

Подъезжаем к академии. Паркуюсь, и Полина сразу тянется к двери.

— Почини мою технику, — говорит, не глядя на меня. — Я сделала то, что ты хотел.

— Ты пока не готова.

— В смысле? — резко разворачивается. — Ты же обещал!

— И починю. Когда увижу, что ты полностью приняла свою роль.

— Я приняла, — цедит сквозь зубы.

— Ты лжёшь, — спокойно отвечаю ей. — Зайдёшь ко мне через час с ноутбуком. Комната семь, первый этаж. Поду-

маю, как частично удовлетворить твою просьбу.

Её ноздри яростно подрагивают, кулаки сжимаются.

— Хорошо... я приду... через час, — каждое слово даётся ей с огромным трудом.

Забирает рюкзак, распахивает дверь, уже почти встаёт.

— Полина, — придерживаю её за локоть, и она переводит на меня озверевший взгляд. — Моя кофта.

— Что? — испуганно выдыхает.

— Тебе идёт. Можешь не возвращать.

Отпускаю её.

Она вылетает пулей из тачки и несётся к воротам, ни разу не обернувшись.

А я смотрю ей вслед.

Макс назвал её неогранённым брюликом. Неплохая метафора для парня, который мыслит категориями «знойная» и «не знойная».

Но он не прав.

Она не брюлик. Она — задача, которую я пока не могу решить. А я не умею бросать нерешённые задачи.

И последняя новиночка нашего моба!

Особый вид удовольствия

от Насти Орловой

https://litnet.com/shrt/coTB

ЗАПРЕТНЫЙ

В Академии Святого Павла, где учатся наследники богатейших семей, я – белая ворона. Незаконнорожденная дочь, недостойная громкой фамилии погибшего отца.

Я привыкла быть невидимкой, но меня заметил тот, кого нельзя игнорировать. Дан Полонский. Наследник вражеского клана. Холодный, наглый, порочно красивый. Король академии, которому позволено все. Он видит во мне игрушку, способ унизить мою семью и развлечься. Его внимание – приговор. Его прикосновения – смертельная опасность. А его губы шепчут то, от чего у меня перехватывает дыхание.

Я знаю, что мне нужно держаться от него подальше. Но в мире, где все решают деньги, кровь и власть, рискнуть всем – мой единственный способ постараться обрести себя.

ГЛАВА 13. Магнит для неприятностей.

Полина

В академии есть прачечная, но я остервенело застирываю и рубашку, и юбку в раковине.

Бесит! Как же меня бесит этот Вирус и его дружки!

Соня порассказывала всякого. И про компанию Омарова вне академии, и про его брата-близнеца. Там, похоже, шайка мажористых отморозков, на которых нет никакой управы. Я с такими знакома...

Это случилось в начале учебного года в одиннадцатом классе. У нас появился новенький. Он перевёлся из другой школы и показался мне... нормальным. Сначала мы просто общались по школьным вопросам – я, как староста класса, помогала ему освоиться. А потом он вдруг пригласил меня в кино. По-дружески, как он выразился. А через неделю поцеловал – и совсем не по-дружески. Остальные девочки мне завидовали. Ведь Роман Жданов успел стать их идолом. И я из обычной тихой отличницы вдруг превратилась в объект мелких нападок, сплетен и ненависти всех старшеклассниц. От меня даже близкие подруги отвернулись, видимо, считая недостойной Жданова. А Рома был рядом. И я выбрала его.

Перестала париться о мнении окружающих и вся отдалась нашим отношениям. Но не ему. В физическом плане я его не подпускала – было как-то страшно. Месяц спустя он познакомил меня с друзьями. Такими же мажорами, как он сам. И оказалось, что в их компании Рома вёл себя иначе. Как выяснилось потом, это и был его настоящий облик. Это со мной он притворялся, разыгрывая благородство.

Они увезли меня на откос. Красивейшее место, откуда видно весь Южноморск. Но у меня в памяти никакой красоты не осталось, только уродливая грязь. До сих пор слышу этот мерзкий шёпот у виска: «Да расслабься ты, я уже настроился».

Встряхиваю мокрую юбку, разглядываю. Пятен вроде нет. Яростно отжимаю. Потом то же самое проделываю с рубашкой. Бельё тоже простирываю. Где развесить, не знаю. Может, на изголовье кровати?

Забираю вещи, рюкзак и иду в свою комнату. Даша, увидев меня, подпрыгивает на кровати и засыпает вопросами.

– Ну как всё прошло? Что это на тебе? Где вы были вообще?

– Купались, – бесцветным тоном отвечаю я.

Бросаю на изголовье полотенце, а на него раскладываю сырые вещи. Поворачиваюсь к Даше.

– И всё? – она разводит руками. – Ты мне ничего не расскажешь?

Устало опускаюсь на кровать.

– Да нечего рассказывать. Всё именно так, как я и представляла. Мерзкие мажоры, тупые правила и традиции.

– Вирус так плох? – куксится Даша.

А я задумываюсь...

Наверное, среди этих троих он самый... терпимый. Но опять же – это просто иллюзия. Я уже однажды ошиблась и больше не собираюсь.

– Они все такие, Даш. Лучше бы я выбрала ночь посвящения и попробовала взять кредит на новый телефон.

– Толстовка его? – дёргает бровями Даша. – Это мило, Полин.

Закатываю глаза. Она неисправима в своей романтизации мажоров.

– Да, очень мило, – бубню в ответ.

Подхожу к шкафу, достаю чистые вещи: джинсы, футболку, бельё. Стягиваю кофту Омарова и быстро одеваюсь.

– Сколько времени? – смотрю на Дашу.

У меня нет даже наручных часов, блин.

– Двадцать минут шестого. Ужин в семь.

В его машине на экране магнитолы часы показывали без пятнадцати пять. Значит, мне уже пора собираться. Расчёсываю волосы перед зеркалом. Они всё ещё влажные, и я скручиваю их в буклю на макушке и перехватываю резинкой.

– Мужской корпус ведь с той стороны парковки, да? – вновь поворачиваюсь к Даше.

А она почему-то побледнела и испуганно таращится на

экран телефона.

– Тут в чате перваков написали кое-что...

Вот! У них ещё и общий чат есть. А я словно изолирована от общества. Как тогда, год назад, когда осталась со своей бедой один на один. И если бы не Призрак...

Чёрт! Я же даже с ним пообщаться теперь не могу. Вообще ни с кем. И мама наверняка обзвонилась.

Я прибью этого Вируса, чёрт бы его побрал! Может, в деканат сходить нажаловаться?

Но прошлый опыт подсказывает, что жаловаться нельзя. Вообще никому доверять нельзя.

– Что там, Даш?

– Кто-то пронюхал, что ночь посвящения может случиться уже в эту пятницу! А это через три дня, Полин! Я не готова...

Закрывает лицо ладонями. Не понимаю, чего она так боится. Ну что они могут сделать с первокурсниками? Не избивать же будут.

– Полина! – вдруг вскакивает. – А ты можешь узнать у Омарова, что нас ждёт, а?

Хочется истерично рассмеяться. Ага, скажет он мне. Как же. Но вместо этого уверенно киваю, забираю рюкзак и говорю соседке:

– Я постараюсь. Как раз к нему иду.

Мужской корпус почти не отличается от нашего. Разве что тем, что тут только парни. И они ходят по первому этажу с

голыми торсами, а кто-то вообще в одних трусах. Поглядывают на меня с интересом. В одном из них узнаю того шкафа – дружка блондинки. Заметив меня, он тут же подходит и преграждает путь.

– Сама пришла, малышка? – поигрывает бровями. – Ну пойдём тогда. Моя комната на втором.

Пока я пытаюсь совладать с нарастающей паникой, за моей спиной кто-то цокает языком. А потом я слышу знакомый голос.

– Ты, видать, потерялся, Ларин. Перепутал свою подстилку с моей девочкой. На первый раз прощаю, потом не прощу.

Ларин дёргается, будто его током ударило. А я так же резко оборачиваюсь к Омарову. Он стоит в дверях комнаты – по всей видимости, седьмой.

Как он меня назвал? Своей девочкой?

– Я не знал, – шкаф выставляет ладони в примирительном жесте, взирая на Вируса. – На ней же не написано.

– Теперь знай. Полина, заходи, – а это уже мне.

Из двух зол, как говорится, выбирают меньшее. И сейчас меньшее – это один Омаров, а не стадо полуголых парней в коридоре общаги. Прошмыгнув мимо него, влетаю в комнату и застываю.

Судя по всему, он тут живёт один. И у него... интересно. Вдоль стены – три монитора на кронштейнах, под ними массивный письменный стол с механической клавиатурой и россыпью жёстких дисков. Колонки, компьютер, ноутбук, VR-

очки, какая-то штука с лупой, какой-то микрокомпьютер с торчащими проводами. На полке – моток проводов, похожих на оптоволокно. Массивное компьютерное кресло, обтянутое чёрной кожей. Кровать такая же, как у меня, по размерам. А вместо второй – низкий диван с подушками. Плотные шторы закрывают окно, на столе – модная лампа с LED-экраном, по которому бегут строчки кода.

Не комната, а чилаут в стиле Вируса. Чтобы он тут расслаблялся, пока заражает чужую технику.

– Ты – магнит для неприятностей? – спрашивает он.

Оборачиваюсь. Дверь закрыта, мы отрезаны от внешнего мира в этой плохо освещённой комнате. Омаров стоит на расстоянии вытянутой руки и, к счастью, не пытается подойти ближе. Но он, чёрт бы его побрал, тоже с голым торсом. Им что, всем тут жарко?

Засунув руки в карманы спортивных штанов, отчего те слегка сползли по бёдрам, обнажая косые мышцы живота и тёмную дорожку волос, тянущуюся вниз, он стоит с ленивым видом и просто ждёт ответа. Видимо.

А какой был вопрос?

– Что? – переспрашиваю глухо.

– Часто к тебе притягиваются подобные обмороки?

Фыркаю.

– Ну, видимо, да, – прямо намекаю, что он тоже обморок, который ко мне притянулся.

Потом решительно подхожу к дивану, ставлю рюкзак, до-

стаю сначала его худи – потому что мне не нужны его подарки. Потом извлекаю ноутбук и телефон.

– Скоро ужин, и я очень голодна.

Деловито шествую к столу и пристраиваю на нём свою технику.

– Почини, и я пойду есть.

Он снова цокает, как пару минут назад.

– У меня есть несколько пожеланий.

– Да ты что? – разворачиваюсь к нему. – Снова пожелания? А как же наши договорённости?

– Тебе придётся подождать.

– Мне будет звонить мама. Наверняка уже звонила. И друг с ума сходит, потому что я полдня ему не отвечаю.

– Друг? – выгибает бровь.

– Да, друг. А ещё преподаватель должен был написать – я буду участвовать в проекте.

– С твоей мамой я общаюсь от твоего имени. Тут можешь не париться, – роняет будничным тоном.

А я, кажется, глохну от этой информации.

– Что ты делаешь?! – срывается до писка мой голос.

– Отвечаю на её сообщения. Она думает, что это ты. И что ты пока очень занята и скоро позвонишь.

Он произносит это так, словно... ну вот нет в этом ничего необычного.

«Я общаюсь за тебя с мамой»... Ну и что? Бывает.

Аррр! Бесит!

– Насчёт проекта и преподавателя – ты откажешься. Слишком много времени будет уходить в ущерб мне. Извини. Ну а твой друг... немного подождёт. Сейчас ты мне почитаешь.

Кажется, у меня просто падает челюсть.

Рабство! Самое настоящее! Не что-то эфемерное, а реальное! Моей жизнью просто распоряжаются – и это в реалиях двадцать первого века!

Но вместо того, чтобы послать Омарова к чёрту, я силюсь улыбнуться и цежу сквозь зубы:

– Почитать? Окей.

Нет, дружочек. Теперь это уже дело чести – переиграть тебя по твоим же правилам. Я не знаю, как, но ты у меня поплатишься за своё дурацкое желание испортить мне жизнь.

– Что будем читать? – пропеваю сладко.

– Конспекты за третий курс. Распределённые системы и отказоустойчивые архитектуры, – кивает на стопку тетрадей у монитора. – Верхняя.

Беру тетрадь. Она тяжёлая, исписана мелким, неожиданно аккуратным почерком. Поля забиты схемами, стрелками, фрагментами кода.

– Сначала? – уточняю я.

– С четвёртой лекции. Там закладка.

Нахожу закладку – вложенный между страницами чек из кофейни.

Омаров тем временем берёт телефон, что-то там быстро

делает, кидает на диван и сам тоже падает на диван и закидывает руки за голову. Я усаживаюсь в его компьютерное кресло. Кресло огромное, я в нём тону. Начинаю читать вслух.

– «Теорема CAP утверждает, что распределённая система не может одновременно обеспечить согласованность данных...»

Нарочно читаю монотонно, без выражения. Пусть мучается. Но он, кажется, не мучается. Лежит с закрытыми глазами, дышит ровно. Бросаю на него быстрый взгляд поверх тетради. Он выглядит сейчас... иначе. Неопасным. Если не знать, кто он есть на самом деле.

– «...при проектировании распределённого хранилища...»

– Полина, – перебивает он, не открывая глаз.

– Что?

– Сядь сюда.

– Зачем?

– Потому что я так хочу.

Хочет он. Много хочет!

– Мне и тут удобно.

– А мне нет. Я плохо слышу, когда ты на том конце комнаты.

Комната – шесть шагов в длину. Он прекрасно всё слышит. Но спорить – значит, затягивать процесс. А я хочу поскорее получить свою технику и уйти.

Встаю. Пересаживаюсь на край дивана. Максимально далеко от него.

– Ближе, – не открывая глаз.

Сдвигаюсь на десять сантиметров.

– Ещё.

Сдвигаюсь ещё. Теперь между нами – ширина одной ладони.

– Читай, – говорит тихо.

– «...выбор между CP и AP-системой зависит от бизнес-требований...»

Он приподнимается – я осекаюсь. Разворачивается и снова ложится, положив затылок мне на колени. Без предупреждения. Без разрешения.

Я каменею.

Его голова тяжёлая и тёплая. Тёмные волосы касаются моих пальцев, сжимающих тетрадь. Я перестаю дышать, перестаю думать, перестаю вообще что-либо делать – только сижу и смотрю на него сверху вниз.

А он лежит с закрытыми глазами. Спокойный, расслабленный. Будто это самая нормальная вещь на свете – положить голову на колени девчонке, которая тебя ненавидит.

– Ты остановилась, – замечает ровно.

Сглатываю. Заставляю себя опустить взгляд в тетрадь. Буквы расплываются.

– «...тогда как социальные сети допускают... допускают...»

– Eventual consistency, – подсказывает он. – Переводится как «согласованность в конечном счёте».

– Я знаю! – огрызаюсь.

Вообще-то, не знаю. Понятия не имею, что это значит. И чувствую его усмешку, хотя не вижу её.

– «...допускают согласованность в конечном счёте, жертвуя мгновенной...» – голос начинает предательски дрожать.

Потому что его затылок давит на мои бёдра, и я ощущаю каждое его движение: как поворачивает голову чуть правее, как выдыхает, как едва заметно шевелится, устраиваясь удобнее.

Читаю дальше. Слово за словом, абзац за абзацем. Для меня всё это тёмный лес, но голос постепенно выравнивается. Я нахожу ритм и почти привыкаю к тяжести на коленях. Почти.

Перелистываю страницу, и тетрадь соскальзывает. Ловлю её, и пальцы случайно задевают его волосы.

Он открывает глаза. Смотрит на меня снизу вверх. Его глаза в полумраке комнаты почти чёрные. Завораживают, как что-то, не имеющее дна. Бездна, а не глаза. В которую я словно проваливаюсь.

Мне становится жарко.

– Распусти волосы, – просит вдруг Омаров.

Буквально каждая его просьба или реплика повергают меня в шок. Очень странный парень...

— Зачем?

— Распусти. Это не просьба.

Понятно. Омаров прощупывает насколько я готова подчиняться.

Стягиваю резинку с волос, распускаю буклю. Тяжёлые, немного влажные на кончиках, пряди падают на плечи и спину.

— Доволен?

– Полина, читай дальше, – говорит он.

И его голос сейчас не безразличный или невозмутимый, как обычно. Он хриплый и слегка подрагивает.

С трудом разрываю зрительный контакт с бездной и упираюсь взглядом в скачущие буквы. Но прочитать не успеваю ни строчки, потому что в дверь стучат...

ГЛАВА 14. Помни, кому принадлежишь.

Вирус

В дверь стучат, и это явно не вовремя. Открываю глаза и смотрю на Полину снизу вверх. Протянув руку, ловлю прядь её волос, провожу пальцами. Влажные. Они русые, но мокрыми кажутся темнее.

Стук повторяется.

– Ты кого-то ждёшь? – спрашивает Полина.

– Вообще-то, да.

Поднимаюсь, открываю дверь. На пороге – первокурсник с нашим ужином. Один из тех, кто добровольно прислуживает старшему курсу в надежде получить какие-нибудь плюшки в течение года.

Пацан пытается заглянуть мне за спину. Сдвигаюсь, перекрывая обзор.

– Вот, всё здесь, – протягивает пакет.

Забираю и закрываю дверь перед его носом.

Полина уже вскочила. Смотрит настороженно на пакет. Хотя так же настороженно она смотрит и на мой обнажённый торс.

Я немного провоцирую её подобным видом. Потому что

мне нравится этот огонёк в её глазах, который она так тщательно пытается скрыть.

– Что это? – кивает на пакет.

– Ужин.

Освободив место между мониторами, ставлю пакет на стол. Внутри два пластиковых контейнера: салаты, пюре с котлетами. И бутылка воды.

– Ты отправил первокурсника за едой, – говорит она.

Скорее утверждает, чем спрашивает.

– Садись, Полина. Ты хотела есть – мы поедим.

Пододвигаю кресло. Сам сажусь на край кровати. Вилки пластиковые, ножей нет. Открываю свой контейнер. Она стоит ещё пару секунд, но голод всё-таки побеждает. Садится и берёт вилку.

В столовской пище нет ничего особенного, но Полина ест так, словно это очень вкусно. И вроде даже бросает на меня взгляд, в котором есть что-то похожее на благодарность...

Хотя нет. Скорее всего, это проекция. Мой мозг выдаёт желаемое за действительное, потому что мне хочется подобных взглядов. Необязательно благодарных. Чуть теплее – уже достаточно. Чуть вовлечённее. Не этот вечный волчий прищур, а что-то более мягкое и направленное на меня.

Поставив пустой контейнер на стол, беру бутылку воды и делаю глоток. Полина тоже доела. Искоса глянув на меня, она откидывается на спинку кресла.

– Вот скажи, тебе скучно ужинать в одиночестве?

– Думаешь, можно заскучать за приёмом пищи?

Отвечать вопросом на вопрос – не самое разумное. Но я не знаю, как должен ответить.

– Ты починишь мою технику? – меняет тему Полина.

– Ты уберёшь со стола? – вновь ухожу от ответа.

Она закатывает глаза и тянется к пакету. Запихивает в него пластиковые контейнеры, вилки. Завязывает ручки бантиком.

– Убрала, – шмякает пакет на пол. – Теперь ты. С чего начнём? С ноутбука или телефона?

– Достань ноутбук, – говорю ровным тоном.

Она буквально расцветает в улыбке и подлетает к своему рюкзаку. Я пересаживаюсь в кресло и врубаю один из мониторов.

– Вот, – ставит передо мной ноутбук.

Улыбается довольно искренне. Потом тянется к бутылке воды, но, едва дотронувшись, отдёргивает руку.

Пока жду, когда загрузится её ноутбук, внимательно изучаю лицо Полины. Так внимательно, что она, стушевавшись, отходит и садится на диван.

– Пить хочешь? – разворачиваюсь к ней в кресле.

– Хочу, но не буду. Бутылка одна.

Морщит свой курносый нос.

Брезгливая, значит. Я, скорее всего, тоже. Но то, что она брезгует мной, неожиданно бесит.

Взяв бутылку со стола, делаю нарочито жадный глоток.

Потом протягиваю ей, не закручивая крышки.

– Попей.

– Нет, – стоит на своём.

– Это не поцелуй, если что.

– Я в курсе. Но не буду.

– Тебе придётся.

Смотрю на неё красноречиво. Посыл предельно ясный. На каждое её «нет» найдётся моё. Починить ноутбук? Нет. Телефон? Тоже нет.

Она считывает мой посыл. Медленно поднимается с дивана и подходит. С кислым лицом забирает бутылку и делает глоток. Возвращает. И я тоже пью, прикоснувшись губами там, где только что были её. Сталкиваемся взглядами. В воздухе начинает ощутимо искрить.

– Присядь, – хлопаю по своему бедру, не разрывая зрительного контакта.

– Мне и тут нор...

– Сядь.

Быстро плюхается на мои колени боком, плечом слегка касаясь груди. Смотрит, как всегда, волком.

Разворачиваюсь в кресле к монитору, ставлю бутылку на стол. Оба монитора загрузились. Чтобы печатать, мне нужно пространство, но отпускать Полину я не намерен. Разворачиваю её, вжимаю спиной в свою грудь. Дёргаю за бёдра, чтобы села пониже. Она охает, проехавшись пятой точкой по моей твёрдости в штанах, и бросает на меня шокирован-

ный взгляд.

Не знаю, чему она так удивляется. Вполне нормальная реакция тела на хорошенькую девочку в таком тесном пространстве. А если ещё представить, сколько всего интересного нас ждёт...

Обнимая её с двух сторон, касаюсь пальцами клавиатуры.

На моём компе – удалённый доступ к её ноутбуку. Баннер, который я посадил, висит поверх всего. Красивая работа, если честно. Чистый код, никакого мусора. Убирать его полностью я не собираюсь. Это мой поводок. Без него она решит, что свободна, а она несвободна.

Открываю терминал, вбиваю команду. Баннер мигает и сворачивается. Под ним – её рабочий стол.

Лезу в планировщик задач, прописываю скрипт. Каждый день в восемнадцать ноль-ноль баннер будет деактивироваться. В двадцать один ноль-ноль – возвращаться. Три часа свободы в сутки. Достаточно, чтобы сделать домашку, проверить почту и почувствовать вкус нормальной жизни. Недостаточно, чтобы забыть, кому она теперь принадлежит.

Полина смотрит на монитор, вытянув шею. Чувствую, как напрягается её спина.

– Что ты делаешь? – спрашивает тихо.

– Открываю тебе окно. Каждый день с шести до девяти вечера твой ноутбук будет работать.

– А потом?

– А потом не будет.

– То есть ты не убираешь вирус полностью? – начинает звенеть её голосок.

– Нет.

– Ты просто... выпускаешь меня погулять на три часа. Как собаку.

– Как рабыню, которая хорошо себя вела, – поправляю.

Её спина каменеет. Лопатки впиваются мне в грудь. Она хочет встать – я чувствую это по тому, как напрягаются её бёдра. Но не встаёт.

– А телефон? – голос снова ровный.

– Телефон пока побудет мёртвым.

– Мне нужно позвонить маме. Мне нужно...

– Позвонишь, – перебиваю её. – Завтра получишь новый телефон.

– Зачем мне новый? – поворачивает голову.

Её скула в жалком сантиметре от моих губ.

– Новый телефон будет прошит так, чтобы ты могла позвонить маме и покопаться в интернете. Без соцсетей.

Её старый смартфон, увы, не прошивается.

– Без соцсетей? – нервно усмехается Полина. – Ты меня изолировать решил?

– В какой-то степени.

– Боже мой, ты сумасшедший, – сжимая щёки ладонями, шепчет она. – Просто чокнутый компьютерщик, который ставит тупые опыты над моей жизнью.

Я молчу. Полина дёргается, пытаясь встать, но я хватаю

её за талию и прижимаю к себе ещё плотнее.

– Отпусти, – цедит она сквозь зубы.

– Ты не усвоила правила, – шепчу ей на ушко. – Поэтому я не выполняю своих обещаний. Всё честно.

– Мне нужно преподавателю написать, – рычит Полина. – У меня есть договорённости, обязанности. В конце концов, я должна зарегистрироваться на сайте, о котором говорили на лекции.

– Можешь регистрироваться. Ноутбук работает.

– Ох, это так мило с твоей стороны, Вирус! Так великодушно, – язвит она. – Три часа мало! Слышишь? Этого мало!

Раздумываю пару секунд, прежде чем пойти на новую сделку.

– Я накину ещё час. За поцелуй.

ГЛАВА 15. Поцелуй.

Полина

Этот парень чокнулся. А если к этому прибавить маниакальную любовь к манипуляциям – получаем психа, сталкера, маньяка. И я должна как-то отвязаться от него и получить обратно свою жизнь.

Разворачиваюсь к нему лицом.

– Поцелуй? – уточняю скептическим тоном.

– Да, – отвечает, не моргнув глазом.

– Ты хочешь меня поцеловать? – ещё раз уточняю я.

– Нет. Целовать будешь ты меня. Хочу посмотреть, как сильно ты хочешь лишний час за ноутбуком.

Вглядываюсь в его серьёзное сейчас лицо. В непроницаемый уверенный взгляд. В расслабленные губы.

Красивый ведь парень. Зачем ему столько возиться со мной, пытаясь прогнуть? Много кто захотел бы поцеловать его по доброй воле.

Хотя ответ приходит тут же. Ему неинтересно будет без манипуляций. Ему нужно сопротивление. Он хочет меня сломать.

Маньяк!

Может, дать ему это? Пусть получит тупую рабыню.

Нет. Ну не могу я!

Хлопаю его по плечу с намёком на дружеский жест.

– Спасибо за ужин, за три часа доступа и за интересный конспект. Я, пожалуй, пойду.

Он даже в лице не меняется, позволяя мне подняться с его колен. Сам тоже встаёт. И пока я запихиваю ноутбук в рюкзак, надевает футболку.

– Провожу тебя, – говорит ровным голосом.

Берёт пакет с мусором, открывает для меня дверь. Я вылетаю в коридор. Мне хочется идти быстрее, чтобы не светиться с ним. Не хочу вообще быть в его компании. Скоро уже начнут показывать на меня пальцем и кричать: "Оо, гляньте, хозяин рабыню выгуливает!" Или: "Хозяин повёл рабыню в свою комнату, чтобы поиметь".

Фу!

На улице Омаров хватает меня за запястье, не давая убежать. А потом перехватывает руку и насильно переплетает наши пальцы. И мы идём по дорожке мимо кленовой рощи, мимо спортплощадки, словно влюблённая парочка. Все, кто попадается нам навстречу, пялятся на наши сцепленные руки. И если это девчонки, то они смотрят на меня с явной завистью, а на Вируса – глотая слюнки. Одна даже кокетливо проводит по его плечу ноготками, проходя мимо. И что-то шепчет на ушко.

Ой, да забирай его со всеми потрохами!

Но Вирус не реагирует ни на её шёпот, ни на распускание рук.

Подходим к мусорным бакам, и он выбрасывает пакет. Поворачиваем в сторону женской общаги, и... я вижу на парковке Цыбалова. Тот подходит к своей машине, снимая на ходу с сигнализации.

Да! Вот он мне и поможет! Он отлично знает меня. Он столько для меня сделал в прошлом году. И я нужна ему для проекта.

Вырываю руку из хватки Омарова.

– Меня не надо провожать, я пока не иду в общагу, – бросаю ему и намереваюсь смыться.

Степан успевает схватить меня за локоть и притянуть обратно. Его взгляд ползёт по территории кампуса, доходит до парковки – и тут он замечает психолога. Я впервые вижу разительную перемену на лице Вируса. Едва заметно трепещут ноздри, губы сжимаются, взгляд становится острее. Наверняка это потому, что Цыбалов может мне помочь, и Вирус это знает. Поэтому он так против моих занятий с ним.

– Ты к нему не пойдёшь, – возвращает взгляд к моему лицу.

– Может, поспорим?

Дёргаюсь, пытаясь вырваться.

– Я починю ноут и телефон! – выплёвываю ему в лицо. – Как ещё ты будешь мною манипулировать?

– Не починишь.

– Давай проверим?

– Проверять тоже не будем. Сейчас мы возвращаемся ко

мне, и ты у меня ночуешь.

Боже... Это же смешно! Истерично смеюсь ему в лицо.

Цыбалов уже сел в машину, уже завёл её. Сейчас просто уедет. А Степан держит мою руку мёртвой хваткой. И впору заорать и попросить о помощи. Но опять же, могу поспорить – мне никто не поможет.

– Отпусти меня. За поцелуй, – говорю быстро, чтобы не передумать.

И так же быстро подаюсь к нему, встаю на носочки, обвиваю рукой за шею и невесомо касаюсь губами его губ. Его глаза открыты, мои тоже. Степан смотрит настороженно.

– Целуй, – говорит хрипло мне в губы.

– Отпустишь? – шепчу в ответ.

– Целуй, – повторяет он.

Я прижимаюсь плотнее, наши губы смыкаются окончательно, дыхание смешивается. Мой язык робко скользит в его рот. Вирус стоит неподвижно несколько секунд, а потом его рука оказывается на моём затылке, и он припечатывает моё лицо к своему ещё теснее. И углубляет поцелуй, беря полную инициативу в свои руки.

Это... слишком. Это перебор!

Я задыхаюсь от коктейля разных эмоций, которые сейчас отказываюсь анализировать.

За руку он меня больше не держит – подхватывает за талию, приподнимает и куда-то несёт, не размыкая наших губ. Не сбавляя оборотов. Буквально поедая мой рот, чёрт возь-

ми!

Нет... Нет!

Отталкиваюсь от его груди обеими руками. Ноги касаются асфальта, и я делаю два шага назад. Вирус смотрит на меня потемневшим взглядом. А я, скорее всего, смотрю затравленно.

Он делает шаг ко мне – я отступаю. И, рванув с места, несусь на парковку.

Машина Цыбалова уже развернулась и двинулась к выезду. Я бегу к ней, отчаянно машу руками – и, о чудо, Цыбалов замечает меня в зеркале заднего вида. Машина останавливается, я подлетаю к пассажирской двери и, открыв её, заглядываю в салон. Встречаюсь с вопросительным взглядом Руслана Анатольевича.

– Что случилось, Полина?

– Мне нужно...

Оборачиваюсь. Вирус медленно идёт в мою сторону.

– Мне нужно с Вами поговорить. Можем прямо сейчас куда-нибудь поехать?

Цыбалов бросает взгляд назад и, кажется, понимает всё без слов.

– Хорошо, садись.

– Спасибо.

Плюхаюсь в кресло, захлопываю дверь, и машина резво стартует. Смотрю в боковое зеркало на одинокую фигуру, замершую на парковке. Она становится всё меньше и меньше

и, наконец, исчезает, когда мы сворачиваем на шоссе.

Цыбалов касается моего колена, и я поворачиваюсь к нему. Он мягко улыбается, невесомо проводит ладонью вверх и тут же возвращает её на руль.

– Расслабься, Полина. Ты в безопасности.

Глава 16. Точка на карте.

Вирус

Смотрю вслед уезжающей тачке, сжав челюсти. Такого выпада я от неё не ожидал. Но... если вспомнить о деталях...

Полина же попала сюда с лёгкой руки Цыбалова. А значит, их связь логичнее и теснее, чем я себе представлял.

Ну и куда ты её повёз? К себе?

Препод и студентка... Нездоровый выходит расклад.

На парковку въезжает джип, на секунду ослепляя меня фарами. Жмурюсь. Джип останавливается рядом. Стекло со стороны водителя опущено, из окна выглядывает недовольное лицо. Лицо, идентичное моему.

Брат. Нашёл всё-таки.

Я срулил в академию весьма эпично. Никому ничего не сказал. Ни брату, ни друзьям. Лишь попросил меня не искать.

– Сядь в тачку, – бросает Остап хмуро.

Обхожу машину, забираюсь в салон. Смотрим друг на друга. А потом Остап начинает лыбиться и притягивает меня к себе, демонстрируя братскую любовь. Хлопает по плечам, обнимая.

Ему всегда проще давалась демонстрация чувств, чем мне. Я всегда закрывался. Неумышленно.

– Значит, студентиком решил стать, – смеётся Остап, отстраняясь. – Валил бы тогда в столицу. Мы бы тебя искали чуть дольше.

– У меня не было цели спрятаться, – откидываюсь на спинку кресла. – Я просто попросил вас меня не искать.

– Ты пропустил свадьбу друга, – вновь мрачнеет брат.

– Я знаю.

– Ты не звонишь родителям.

– И это тоже знаю.

– Слушай, всезнайка! Вот чего ты точно не знаешь – это того, что я сделал Соне предложение.

О, а вот тут и правда мимо.

Соня – его та самая, как говорит Остап. На мой вкус, слишком часто. Рыжая гимнастка из Краснодара – это всё, что я знаю о ней. Обещал брату ничего про неё не копать.

Усмехаюсь.

– Сделал?

– Ну да, – сияет Остап. – И она согласилась. Свадьба через месяц.

Я... рад. Наверное, искренне. Гложет лишь то, что брат и в этом преуспел. Опередил меня. Родители, наверное, счастливы...

– Ты приехал пригласить меня на свадьбу? – спрашиваю, зарываясь в телефон.

Найти Полину довольно просто. Трекер пришлёт мне локацию, когда она включит свой поломанный гаджет. А она

включит, потому что собирается показать весь масштаб проблемы Цыбалову.

– Я приехал дать тебе леща, – вещает Остап. – И от Богдана за то, что пропустил его свадьбу. И от себя, потому что... Ну как можно поступать так с родным братом?

– Как именно я поступил? – поднимаю взгляд от экрана.

– Как? – возмущённо переспрашивает Остап. – Ты серьёзно? Твой телефон всё время недоступен, Стёпа! Предположу, что я в чёрном списке.

– Совсем необязательно кидать человека в ЧС, чтобы...

– Ой, да не грузи, – перебивает меня. – Ты умышленно меня игнорируешь. Я вот только не понимаю, за что.

А я не понимаю, как должен объяснить ему причину этого игнора. Почему откололся от семьи, брата, друзей. Я и сам до конца не разобрался в причинах.

Молчу, вновь возвращаясь к телефону. В эту секунду приходит оповещение. Трекер на телефоне Полины сработал. Она его включила, и мне пришла локация.

Ключи от моей тачки в комнате. Идти за ними долго.

– Остап, поехали, – киваю вперёд.

– Поехали? – изумляется он. – Ты не отвечаешь на мои вопросы и просто говоришь «поехали»?

– Ну да.

– Пиздец, Стёпа. Полный пиздец в твоей головушке... – причитает брат. Но всё-таки трогается с места. – Куда едем?

– В город.

– А конкретнее?

– Пока давай на Хризантем.

– А что там?

Брат, как всегда, задаёт слишком много вопросов.

– Там одна девушка, – отвечаю, наблюдая за движением точки на карте.

Она быстро перемещается, значит, Полина всё ещё в машине. Они продолжают куда-то ехать. И у них хороший отрыв.

– Девушка? Твоя девушка?

– Остап, надо быстрее.

– Кому надо? – переводит на меня хмурый взгляд. – Мы преследуем девушку? Твою?

– Мы преследуем преподавателя.

– Ну вот теперь всё встало на свои места, – язвит брат-близнец. – Какого, блин, преподавателя?

– Из академии.

– Да это был риторический вопрос, Стёпа! Я спрашиваю: девушка твоя?

– Моя.

– Ладно, – роняет он и вдавливает педаль газа в пол.

Мы летим под сто семьдесят по прямой, но на серпантине приходится скинуть почти вдвое. Петляем, обгоняем по встречке. Расстояние от нас до точки сокращается.

Они уже в центре Ривьера-сити. Наконец останавливаются. Цыбалов живёт совсем в другом районе. Его данные я

достал из базы академии и знаю о нём практически всё.

– Так куда нам? – спрашивает Остап, когда тоже въезжаем в город. – Мы уже на Хризантем, как видишь.

– Нет, нам дальше. Кофейня «Веранда». Плюс-минус там. Сигнал с трекера может быть неточен.

Пока едем, Остап рассказывает про свою Соню и предстоящую свадьбу. А ещё про то, что теперь тренирует детей в местной школе самбо. Это прям уровень. Я им, наверное, горжусь.

Да-да, в моей жизни много «наверное», когда речь заходит о чувствах. Мой мозг легко читает компьютерные коды, но даёт сбой на человеческих эмоциях.

– Так, подожди. Препод увёз твою девушку? – брат возвращается к цели нашей поездки.

Видимо, исчерпал весь запас «прекрасных» новостей.

– Да.

– Мы будем его разматывать? – хищно скалится Остап.

– Нет, мы просто её заберём. Я... Я заберу.

– Без знатных пиздюлей?

– Без них.

– Дай угадаю. Она по доброй воле с ним поехала, – продолжает ковырять эту тему.

Киваю.

– И нахера тебе эта тёлка? – возмущается Остап.

– Девушка, – поправляю его машинально.

Тормозим на светофоре. И целых двадцать секунд брат

жжёт мою щёку взглядом. Потом хмыкает и трогается.

– Понятно, – изрекает это так, словно ему действительно что-то стало понятно.

Мы приближаемся к точке на карте. Вижу машину Цыбалова возле «Веранды», как и ожидалось. Остап паркуется прямо за тачкой психолога. Синхронно смотрим на открытую террасу кафе. Там почти все столики заняты, и внутри тоже наверняка полно народу.

– Видишь свою девушку? – спрашивает Остап, подчёркивая интонацией последнее слово.

– Да, – бросаю я.

Они на веранде, их столик хорошо виден. Цыбалов сидит лицом к нам, Полина – спиной. На столе – закрытый ноутбук. Телефон девушка держит в руке. Подходит официантка, ставит две большие кружки на стол. От них поднимается пар.

– Вечерок в кафе с преподом... – задумчиво тянет Остап. – Это норм, Стёп? Или всё-таки зашквар?

– Второе. Но смотря с какого ракурса смотреть, – бормочу в ответ.

– С какого ракурса, брат? С того, чтобы понять, что у тебя ветвистые рога! Ты гляди, как он на неё смотрит! Как голодный на прожаренный стейк. А она? Её не смущает, что в его глазах можно легко прочитать, как именно он её поимел уже в своём воображении?

От его замечаний в груди что-то неприятно шевелится. Распахиваю дверь, выхожу. Остап тоже выскакивает из ма-

шины.

– Подожди, братец. У меня есть один гениальный план...

Глава 17. Двое.

Полина

Цыбалов сидит напротив и смотрит с привычным участием. Он всегда так смотрел на наших онлайн-созвонах, когда после случившегося в прошлом году я не могла спать и звонила ему даже в два часа ночи.

И мне немного легче сейчас, потому что этот мужчина может поддержать даже взглядом.

– Руслан Анатольевич...

– Полина, – мягко перебивает он, – мы же договаривались.

Киваю, но язык всё равно не поворачивается называть его просто по имени. Хотя это тоже было частью моей реабилитации. Не психолог – просто друг. Но теперь он мой преподаватель.

Откладываю телефон, ноутбук убираю обратно в рюкзак. Делаю глоток какао, которое нам принесли пару минут назад. И мне почти хорошо. Потому что я сейчас далеко от академии, Омарова и его наглых губ.

И я с другом.

– В общем... – выдыхаю с улыбкой, – мне очень нужна помощь.

– Со сломанной техникой, – кивает Цыбалов.

– Не только. Технику мне сломал один конкретный чело-

век. Вы же наверняка знаете, что в академии есть... традиция... – морщусь, как от кислого лимона. – Старшекурсники выбираю

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.